DOI: 10.31860/0136-7447-2025-40-276-340

С. В. Подрезова (Санкт-Петербург),

Е. И. Якубовская (Санкт-Петербург)

«Аполитичность бросается в глаза с первых же строк» (С. Д. Магид, Ф. А. Рубцов и кризис Фонограммархива 1950 г.)

S. V. Podrezova (Saint-Petersburg),

E. I. Yakubovskaya (Saint-Petersburg)

“Apoliticism is Evident from the Very First Lines” (S. D. Magid, F. A. Rubtsov and the Phonogram Archive Crisis of 1950)

Аннотация

Недавно обнаруженные документы по деятельности Сектора фольклора, относящиеся к рубежу 1940–1950 гг. – докладная записка С. Д. Магид, протоколы заседаний Сектора фольклора, протокол заседания комиссии по проверке работы Института русской литературы за 1950 г., отчеты сотрудников и другие документы, позволяют по-новому увидеть причины изгнания из Пушкинского Дома одного из авторитетных сотрудников Фонограммархива – Софьи Давыдовны Магид и увольнения его заведующего – Феодосия Антоновича Рубцова. Вынужденный уход двух ученых обнажил кризис в работе Фонограммархива, который был вызван причинами не внутреннего, а внешнего, системного характера. В некоторой степени отголоски этого кризиса ощущаются и по сей день.

Ключевые слова: *Софья Давыдовна Магид, Феодосий Антонович Рубцов, Фонограммархив Пушкинского Дома, история русской фольклористики*

Abstract

Recently discovered documents on the work of the Sector of Folklore at the turn of the 1940s and 1950s – the report by S. D. Magid, the protocols of the Sector of

Folklore meetings, the protocols of the meeting of the Commission for the inspection of the work of the Institute of Russian Literature for 1950, employees' reports and other documents – allow us to see in a new light the reasons for the expulsion of one of the authoritative researchers of the Phonogram Archive Sofia Davydovna Magid and its head Feodosiy Antonovich Rubtsov. Their forced resignations revealed a crisis in the work of the Phonogram Archive, which was caused not by internal but by systemic external reasons. To some extent, echoes of this crisis are still felt today.

Keywords: *Sofia Davydovna Magid, Feodosiy Antonovich Rubtsov, Phonogram Archive of the Pushkin House, history of Russian folklore studies*

Трагическая история изгнания из Пушкинского Дома Софьи Давыдовны Магид и заведующего Фонограммархивом Феодосия Антоновича Рубцова хорошо известна и уже неоднократно упоминалась в литературе.

Одной из первых на этот эпизод обратила внимание лингвист Н. Д. Светозарова[1], первый биограф С. Д. Магид. Ей принадлежит заслуга по возвращению имени Софьи Давыдовны в историю науки и восстановлению ее репутации как талантливого ученого и собирателя. На основе документов неразобранного фонда С. Д. Магид в Российской национальной библиотеке (ОР РНБ, ф. 1000) и Санкт-Петербургского филиала Архива Академии наук Н. Д. Светозарова реконструировала историю борьбы Магид и ее супруга, инженера Ефима Моисеевича Экмекчи[2], которую они вели не столько за трудовые права, сколько за честное имя.

Крупному вкладу Магид в пополнение, научную обработку и изучение звуковых коллекций Фонограммархива посвящена статья Л. И. Петровой[3]. В этой статье в научный оборот вводится большой корпус документов по истории Фонограммархива и Отдела русского фольклора (Сектора фольклора) и подробно проанализированы документы,

---

[1] *Светозарова Н. Д.* 1) Музыковед и фольклорист С. Д. Магид (1892—1954) // Из истории еврейской музыки в России. СПб., 2006. Вып. 2. С. 309–334 (здесь же опубликован список печатных трудов С. Д. Магид); 2) Иноэтнические коллекции в Институте русской литературы: (Изучение фольклорных собраний Пушкинского Дома в международных проектах) // Из истории русской фольклористики. СПб., 2007. Вып. 7. С. 500—505.

[2] В своих анкетах С. Д. Магид указывала о своем супруге некоторые сведения: родился в 1889 г. в г. Николаеве, из караимов, был беспартийным и работал инженером на заводе № 860 (был основан в 1883 г. Г. М. Пеком, в советское время носил название – завод «Красный изобретатель», сокр. завод «Кризо»), см. данные в работе: *Френкель А. С.* Софья Давыдовна Магид: Новые материалы // Из истории еврейской музыки в России. СПб., 2015. Вып. 3. С. 185.

[3] *Петрова Л. И.* Софья Давыдовна Магид в Пушкинском Доме: (Документы и факты) // Из истории русской фольклористики. СПб., 2013. Вып. 8. С. 147–204.

связанные с «травлей»[4] одного из старейших на тот момент сотрудников Фонограммархива. Центральным и ключевым (но не первым) эпизодом в истории увольнения двух ученых стало обсуждение главы «Русское народное песенное творчество в советскую эпоху», написанной Магид для готовящегося III тома коллективной монографии «Русский фольклор», работа над которой началась в 1938 г. по инициативе М. К. Азадовского[5]. К сожалению, Л. И. Петровой не удалось найти протокол этого заседания, поэтому она смогла судить о развернувшейся дискуссии только на основании косвенных данных.

Четыре года назад при разборе научно-организационных документов Фонограммархива были обнаружены недостающие источники: черновая рукопись и машинопись протокола заседания Сектора от 13 марта 1950 г. под номером 233, а также ряд других заслуживающих внимания документов, датируемых рубежом 1940–1950-х гг. Черновую рукопись протокола, судя по почерку, составляла секретарь Сектора фольклора – Вера Александровна Кравчинская[6], несколько страниц написаны рукой молодой сотрудницы Микаэлы Яковлевны Парижской, более известной под новой фамилией – Мельц[7].

Обнаруженные документы заслуживают самого серьезного внимания и позволяют скорректировать выводы, к которым пришли Л. И. Петрова и Н. Д. Светозарова. Они проливают свет на события 1950 г., которые не только имели фатальные последствия для Магид и Рубцова, но и серьезным образом сказались на работе Фонограммархива.

---

[4] Эта формулировка используется самой Магид в письме к Президенту АН СССР акад. С. И. Вавилову и упоминается в документах, составленных на имя ученого секретаря Президиума Академии наук СССР проф. В. П. Сухотина (*Петрова Л. И.* Софья Давыдовна Магид в Пушкинском Доме. С. 162).

[5] Об идее трехтомного издания и истории работы над ним большого коллектива фольклористов Ленинграда и Москвы см.: Два отзыва о научной деятельности М. К. Азадовского / Публ. Т. Г. Ивановой // Русская литература. 2006. № 2. С. 101. Сн. 15. – *Примеч. Е. И. Якубовской.*

[6] *Вера Александровна Кравчинская* (1885—?); в ИРЛИ с 01.12.1938 по 04.07.1942; с 15.09.1945 по 31.12.1954. В ИРЛИ с 1938 по 1942 г. работала мл. науч. сотр. Отдела фольклора. С 1945 г. – науч.-тех. сотр. Отдела фольклора. Область научных интересов: фольклорные нарративы, частушки Отечественной войны и др. жанры русского фольклора (Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005 / РАН Институт русской литературы (Пушкинский дом); Гл. ред. Н. Н. Скатов. СПб., 2005. С. 462). – *Примеч. Е. И. Якубовской.*

[7] *Микаэла Яковлевна Парижская (Мельц)* (1924–2003); в ИРЛИ с 16.08.1947 по 28.05.1979. Окончила рус. отд-ние филол. ф-та ЛГУ в 1947 г. С 1947 г. – мл. науч.-тех. сотрудник Сектора устного народного творчества ИРЛИ, с 1958 г. – мл. науч. сотрудник (Пушкинский Дом: Материалы к истории. С. 482).

Прежде чем перейти к обзору найденных документов, напомним основные детали биографии С. Д. Магид и Ф. А. Рубцова.

Софья Давыдовна Магид (Маггид[8], по мужу Экмекчи) родилась 3 (16) декабря 1892 г. в Петербурге, в семье известного исследователя еврейского языка, литературы, искусства и музыки Давида Гилелевича (Гиллариоповича) Маггида. В 1920-е гг. он работал в Публичной библиотеке, где заведовал еврейским отделом рукописного отдела, и в Институте истории искусств. С 1912 по 1917 г. Софья Давыдовна обучается в Петербургской консерватории по классу фортепиано у С. М. Майкапара[9]. В 1922 г. поступает на высшие курсы искусствознания по отделу «МУЗО» при Государственном институте истории искусств, где работал ее отец. После окончания курсов в 1927 г. Магид была зачислена внештатным, а затем и штатным научным сотрудником ГИИИ по Фольклорной секции, затем – Фонограммархива, параллельно преподавала в музыкальных техникумах[10].

В 1931 г. с момента организации Фонограммархива Академии наук Магид сотрудничает в Фонограммархиве Фольклорной секции ИПИН–ИАЭ, исполняет обязанности научного сотрудника[11], хранителя, ведет документацию.

1 июля 1939 г. она защищает кандидатскую диссертацию «Баллада в еврейском фольклоре», в основу которой легли сделанные ею в 1928 и 1930 гг. на Украине и в Белоруссии записи еврейских баллад. Защита прошла в Институте языка и мышления имени Н. Я. Марра и была высоко оценена коллегами. Официальными оппонентами на защите выступили этномузыколог, музыковед и коллега Магид по Фонограммархиву Зинаида Викторовна Эвальд и этнограф и филолог, профессор Ленинградского университета Евгений Георгиевич Кагаров. Отзывы на диссертацию были представлены такими крупными учеными, как В. М. Жирмунский, М. К. Азадовский и Е. В. Гиппиус. В 1940 г. Магид утверждается

---

[8] Фамилия имела два варианта написания: Маггид и Магид. Начиная с 1930-х гг. фамилия Софьи Давыдовны утратила второе «г» и чаще писалась как «Магид».

[9] См. справку об окончании консерватории в личном деле и получении диплома «со званием свободного художника» (СПбФ АРАН, ф. 77, оп. 2, д. 50, л. 11).

[10] См. «Жизнеописание» Магид: СПбФ АРАН, ф. 150, оп. 2, д. 564, 3–3 об. Датировано 31 января 1934 г.

[11] В личном деле Магид указано, что в течение 1931, 1932 и 1933 гг. по нескольку месяцев она работает по договору в качестве научного сотрудника ИПИН и ИЭА, с 1 февраля 1934 г. зачисляется в штат в должности научного сотрудника 2-го разряда, в 1937 г. – младшего научного сотрудника (СПбФ АРАН, ф. 150, оп. 2, д. 564, л. 53–54).

в должности старшего научного сотрудника[12], в том же году ее приняли в Ленинградский союз советских композиторов[13].

С 1941 по 1946 г. в связи с консервацией фондов и сокращением штата[14] Магид в Фонограммархиве временно не работает и восстанавливается в должности старшего научного сотрудника 1 ноября 1946 г.[15] В 1948 г. ей было присвоено ученое звание старшего научного сотрудника[16].

Все это время Магид вела активную собирательскую работу, как полевую (более 10 экспедиций[17]), так и стационарную, занималась изучением музыкального фольклора народов СССР. Последняя экспедиция, в которой приняла участие Магид, передавая эстафету своей младшей коллеге Наталье Львовне Котиковой, состоялась в августе 1949 г. в Великолукский и сопредельные районы Псковской области[18].

По подсчетам Л. И. Петровой, С. Д. Магид (частично – совместно с другими собирателями) было записано 590 фонографических цилиндров и 1 742 записи произведений различных фольклорных жанров, в основном песенных, от представителей 18 народов[19]. Магид участвовала практически во всех проектах Фонограммархива и Сектора фольклора за всю историю их существования в стенах Академии наук, вела не только звукозапись, но и осуществила большой объем нотировок к разным готовящимся собраниям[20]. Краткий рассказ о вкладе С. Д. Магид в музыкальную

---

[12] СПбФ АРАН, ф. 150, оп. 2, д. 720, л. 6 «Выписка из протокола Заседания Президиума Академии наук СССР от 10 февраля 1940 г.».

[13] Там же, л. 10.

[14] Приказ по Институту литературы АН СССР № 118 § 2 от 18 августа 1941 г. (СПбФ АРАН, ф. 150, оп. 2, д. 564, л. 97).

[15] См. выписку из приказа № 110 от 6 ноября 1946 г. (СПбФ АРАН, ф. 150, оп. 2, д. 720, л. 1).

[16] Постановление АН СССР от 27 мая 1948 г. (СПбФ АРАН, ф. 150, оп. 2, д. 720, л. 26).

[17] Эта цифра фигурировала в характеристике С. Д. Магид (СПбФ АРАН, ф. 150, оп. 2, д. 720, л. 9).

[18] Подробнее об этой работе см.: 1) *Якубовская Е. И.* Записи Великолукской экспедиции ИРЛИ 1949 г. (по материалам рукописного сборника С. Д. Магид) / Публикация Е. И. Якубовской // Из истории русской фольклористики. Вып. 11: К юбилею Валерии Игоревны Ереминой. СПб.: Свое издательство, 2018. С. 352–424; 2) *Якубовская Е. И.* Страницы биографии Натальи Львовны Котиковой // Из истории русской фольклористики. Вып. 8. СПб.: Наука, 2013. С. 544–545. – *Примеч. Е. И. Якубовской*.

[19] *Петрова Л. И.* Софья Давыдовна Магид в Пушкинском Доме. С. 156. По нашим подсчетам, С. Д. Магид было записано 496 фонографических цилиндров. Список коллекций, их краткая характеристика и фондовые номера (с некоторыми ошибками в нумерации) даны в работе Л. И. Петровой.

[20] См., например, сводный список работ, подготовленный Н. Д. Светозаровой на основе нескольких списков, составленных самой С. Д. Магид в разные годы (*Светозарова Н. Д.* Музыковед и фольклорист С. Д. Магид. С. 331–332).

фольклористику, становление и развитие Фонограммархива хорошо резюмируют слова М. К. Азадовского, сказанные им в развернутом отзыве о ее деятельности: «С фонограммархивом С. Д. Магид связана с момента его зарождения еще в 1927 году в виде маленькой ячейки, бывшей фонотеки ГИИИ. Со времени перехода фонограммархива в систему Академии наук СССР она непрерывно продолжала в нем работать в качестве научного сотрудника и и<сполняющего> о<бязанности> хранителя, своими трудами немало способствуя превращению фонограммархива в одно из крупнейших хранилищ мира. Фонограммархив в значительной степени обязан пополнением своих коллекций энергии и собирательскому таланту С. Д. Магид. Ею сделано около 2000 звукозаписей народных песен: русских, белорусских, курдских, тюркских, армянских, грузинских, еврейских, карельских, вепсских и различных народов Севера.

Накопленный С. Д. Магид за 20 лет работы богатейший слуховой опыт по песням и инструментальной музыке различных народов, владение современными научными методами исследования сделали ее одним из крупнейших специалистов в области научной обработки фонозаписей (так называемых "расшифровок"), т. е. искусства слышания и максимально точного и наглядного изложения в нотных знаках тончайшей интонационной специфики данного музыкального явления»[21].

Несмотря на свои заслуги, 13 апреля 1950 г. Магид была отчислена из штата Института с формулировкой: «как не выполнившая план 1949 г. и представившая работы, выполнявшиеся в 1949 г., на низком теоретическом уровне»[22].

6 сентября 1950 г. после долгих тяжб, потребовавших обращения к главе Академии наук академику С. И. Вавилову, Магид восстановили в должности. Но уже 9 сентября она уволилась по собственному желанию как инвалид 2-й группы[23].

Знаменитый этномузыковед и композитор Феодосий Антонович Рубцов (1904–1986)[24] родился 17 (30) декабря 1904 г. в селе Ольша

---

[21] СПбФ АРАН, ф. 150, оп. 2, д. 720, л. 16–16 об. Эту цитату также приводит Н. Д. Светозарова (*Светозарова Н. Д.* Музыковед и фольклорист С. Д. Магид. С. 317–318).

[22] См. сн. 152 наст. изд.

[23] Выписка из приказа № 95 по ИРЛИ от 7 сентября 1950 г. § 2, 3 (СПбФ АРАН, ф. 150, оп. 2. № 720, л. 45) и Выписка из приказа № 114 по ИРЛИ от 21 октября 1950 г. § 9 (СПбФ АРАН, ф. 150, оп. 2, № 720, л. 46).

[24] Детали биографии Рубцова изложены по его жизнеописанию, представленному в Институт литературы 28 ноября 1945 г. (СПбФ АРАН, ф. 150, оп. 2, д. 749, л. 15–15 об.). Более подробно биография ученого представлена в работе: *Редькова Е. С.* Материалы к биографии Ф. А. Рубцова в архиве Санкт-Петербургской консерватории имени

Любавичской волости Оршанского уезда Могилевской губ., позже вошедшего в состав Смоленской области, в семье священника. Интересно заметить, что, поступая на работу, Рубцов не скрывал своего социального происхождения[25]. По окончании трудовой школы в 1921 г. он уезжает в Смоленск, где в течение трех лет обучается в Смоленской народной консерватории. С 1926[26] по 1931 г. обучается в Ленинградской консерватории на научно-композиторском факультете в классе М. О. Штейнберга.

Начиная с 1936 г. Ф. А. Рубцов сотрудничает с Фонограммархивом. Е. В. Гиппиус приглашает опытного собирателя для обследования Вологодской, в 1938 г. – Смоленской областей и соседних Могилевского и Гомельского районов Белоруссии. В 1939 г. по договору с Белорусской академией наук Рубцов исследует традицию Белоруссии. По материалам этих экспедиций были подготовлены сборники песен и музыкальных обработок[27]. Перед самой войной Ф. А. Рубцов вместе с П. Г. Ширяевой недолго работает в Псковской области[28], а в послевоенное время ведет полевые записи в Бокситогорске (1946) и пригороде Ленинграда (1947).

1 августа 1945 г. после расконсервации Фонограммархива Рубцов был принят в штат Института литературы в должности старшего научного сотрудника, а 23 ноября того же года становится заведующим Фонограммархивом[29]. Параллельно с работой в Фонограммархиве с 1 сентября

Н. А. Римского-Корсакова // Этномузыкология: история формирования научно-образовательных центров, методы и результаты ареальных исследований. Материалы международных научных конференций 2011–2012 годов. СПб.: Скифия-Принт, 2014. С. 50–169.

[25] В личном листке по учету кадров в графе 5 о своем социальном положении он указывал: 5. Национальность русский, б. Соц. происхождение: а) бывш. сословие (звание) родителей: мещане; б) основное занятие родителей до Октябрьской революции: отец священник, после Октябрьской революции: священник до 1930 г.

[26] В анкетах Ф. А. Рубцов указывал другую дату – 1925 г.

[27] См. сборники: Песни Вологодской области. Л.: Музгиз, 1937 (подготовлен Фольклорной секцией Института этнографии АН СССР); Песні беларускага народа. Т. 1. Мінск: Выдавацтва Акадэміі Навук БССР, 1940; Песни народов СССР. Белорусские песни. М.: Музгиз, 1941 (подготовлен Отделом фольклора Института литературы АН СССР). Полный список обработок, подготовленных Ф. А. Рубцовым, хранится в личном деле собирателя (СПбФ АРАН, ф. 150, оп. 2, д. 749, л. 4).

[28] История и материалы этой поездки представлены в работе: *Якубовская Е. И.* Экспедиция Ф. А. Рубцова и П. Г. Ширяевой на берега Псковского озера (Ленинградская область, июнь 1941 г.) // Русский фольклор. Т. 38: Материалы и исследования. Памяти Виктора Евгеньевича Гусева. СПб., 2021. С. 58–129.

[29] Приказ № 151 от 21 декабря 1945 г. (СПбФ АРАН, ф. 150, оп. 2, д. 749, л. 2), заявление Ф. А. Рубцова с резолюцией директора Л. А. Плоткина (Там же, л. 1). С 1 апреля 1946 г. Рубцов был переведен на должность младшего научного сотрудника (выписка из приказа № 31 от 4 мая 1946 г. (Там же, л. 5)) и оставался в ней до своего увольнения.

1948 г. по совместительству преподает в Ленинградской консерватории[30], в 1941 г. входит в правление Ленинградского отделения Союза композиторов СССР, а позже становится заместителем его председателя. В 1948 г. Рубцов завершил подготовку сборника «Русские народные песни Смоленской области», который, однако, уже не соответствовал новой идеологической повестке и «провалился» на обсуждении в ИРЛИ[31]. Согласно сохранившимся документам, Ф. А. Рубцов был уволен из Института 1 марта 1950 г., что никак не согласуется с приведенными в данной работе документами (особенно с документом № 2). К этому вопросу мы вернемся ниже.

Н. Д. Светозарова высказала предположение, что «увольнение готовилось заранее и что коллеги Софьи Давыдовны предпринимали попытки воспрепятствовать этому»[32], и истинной причиной ее увольнения, по ее мнению, стало «недовольство руководства Института направлением исследований С. Магид, в частности ее занятия еврейским фольклором»[33]. Думается, что это стало лишь одной из причин.

Травлю Магид также справедливо принято связывать с постановлением Президиума Академии наук СССР 1949 г., предписывавшим руководству Института русской литературы «пересмотреть кадры научных сотрудников и освободить от работы в Институте лиц, не отвечающих в деловом и политическом отношении требованиям, предъявляемым к научным сотрудникам Академии наук СССР»[34]. Это постановление датируется 29 декабря 1949 г., тогда как особо пристального внимания к своей деятельности С. Д. Магид удостоилась значительно раньше. Первая ласточка-предвестник относится к началу 1949 г., когда Магид была поставлена в известность о том, «что вопрос о выполнении плана за 1-ый квартал 1949 г. вызвал ряд недоумений со стороны дирекции»[35]. 10 апреля 1949 г.

---

[30] См. документы, представленные зам. директора консерватории по научной работе А. Н. Дмитриевым: СПбФ АРАН, ф. 150, оп. 2, д. 749, л. 6–9.

[31] Сборник увидел свет лишь после смерти Ф. А. Рубцова: Русские народные песни Смоленской обл.: В записях 1930–1940-х гг. / Сост., расшифр., коммент. Ф. Рубцова. Л., 1991. 160 с. Об истории сборника и трагическом пути его к читателю см.: *Гусев В. Е.* Ф. А. Рубцов и песни Смоленщины // Русские народные песни Смоленской обл. С. 6–8; Ф. А. Рубцов. Материалы к сборнику «Песни Смоленской области» / Публ. Ю. И. Марченко // Из истории русской фольклористики. СПб., 2006. Вып. 6. С. 159–161.

[32] *Светозарова Н. Д.* Музыковед и фольклорист С. Д. Магид (1892—1954). С. 317.

[33] *Светозарова Н. Д.* Иноэтнические коллекции в Институте русской литературы. С. 504.

[34] Документ хранится в Отделе русского фольклора ИРЛИ РАН. Документы по Фонограммархиву.

[35] Формулировка из докладной записки С. Д. Магид, составленной в начале 1949 г. Публикуется на с. 297 наст. изд.

она пишет исполняющей обязанности заведующего Сектором фольклора А. М. Астаховой[36] докладную записку, где подробно отчитывается о своей работе за 1948 и начало 1949 г. (см. документ № 1).

Наконец, увольнение Магид можно рассматривать также в череде мероприятий по «борьбе с космополитизмом» и связанной с ним чисткой состава Отдела фольклора и Института в целом. Так, в марте – апреле 1949 г. в стенах Пушкинского Дома проходила масштабная проработка М. К. Азадовского[37] на заседаниях Отдела (27 марта) и ученого совета (8 апреля), в ходе которых было вскрыто «буржуазно-объективистское мировоззрение М. К. Азадовского, его приверженность компаративистской школе Веселовского и слепое преклонение перед западноевропейскими “авторитетами”»[38]. Ученый был назначен виновным в методологическом кризисе Отдела, «причиной незавершенности ряда трудов Отдела и общей разлаженности работы коллектива»[39] и отстранен от заведования, а 23 мая 1949 г. уволен из Института. Появление упомянутой докладной записки, по-видимому, было связано именно с этим событием, а также предстоящей аттестацией сотрудников Института. В характеристике, данной С. Д. Магид спустя год – в 1950 г., проводится параллель с бывшим заведующим: «Дирекция находит возможным отметить и деловые качества С. Д. Магид: опыт собирателя, который не был в достаточной мере устремлен на собирание современного народного творчества, в чем явно отразилось пренебрежение к советскому фольклору ее бывшего руководителя профессора М. К. Азадовского, под руководством которого С. Д. Магид работала в течение ряда лет»[40].

---

[36] *Анна Михайловна Астахова* (1886–1971); в ИРЛИ с 03.1939 по 01.07.1965. С 1939 г. научный сотрудник Отдела фольклора Института литературы; позднее – секретарь Отдела, заведует фольклорным хранилищем, в 1943–1945 гг. исполняла обязанности заведующего Отделом фольклора, в период кампании по увольнению М. К. Азадовского находилась на этой же должности с марта 1949 г. по май 1950 г. (Пушкинский Дом: Материалы к истории. С. 399). – *Примеч. Е. И. Якубовской.*

[37] О кампании по увольнению М. К. Азадовского из Института весной 1949 г. см.: Два отзыва о научной деятельности М. К. Азадовского / Публ. Т. Г. Ивановой // Русская литература. 2006. № 2. С. 86–101.

[38] «Отзыв о научной деятельности зав. Сектором фольклора Института литературы, доктора филологических наук М. К. Азадовского» (Цит. по: Там же. С. 97). Ср. также обвинения в адрес ученых, прозвучавшие в речи исполняющего обязанности директора Н. Ф. Бельчикова (Там же. Л. 91).

[39] Там же. С. 91.

[40] Документы по Фонограммархиву. Л. 9 (Цит по: *Петрова Л. И.* Софья Давыдовна Магид в Пушкинском Доме. С. 153. Примеч. 19).

Отчет и разъяснения, данные в докладной записке, отчасти удовлетворили дирекцию Института, в июне 1949 г. Магид была переаттестована и утверждена в должности старшего научного сотрудника[41], а в мае 1949 г. по поручению сектора Магид начала работу над статьей «Русское народно-песенное творчество в советскую эпоху» для третьего тома учебника «Русский фольклор» и продолжила ее до начала января 1950 г. Эта статья, завершенная в срок, но не устроившая руководство сектором, стала краеугольным камнем и формальным поводом для ее увольнения.

Нужно сказать, что данная тема не была для Магид новой. В одной из характеристик говорилось: «По производственной линии С. Д. Магид все время активно и успешно работала в музыковедческой секции ЛССК на темы советской музыки»[42]. В кратком научном отчете о своей работе, представленном в Институт в мае 1947 г., Магид упоминала целую серию работ о советской массовой песне: «“Массовая песня в период Великой Отечественной войны” – 2 п. л. В 1946 “Песни творческой группы ПУБАЛТ’а” – 1 п. л., “Проблема песни и песенности” – 3 п. л., а также зачитан ряд научных докладов (на музыковедческой конференции, организ<ованной> ЛССК и Институтом Театра и Музыки в декабре 1945 г., на дискуссии “О массовой песне” в Лен<инградском> Союзе Советских писателей в марте 1946 г. и пр<очее>), и выполнен ряд библиографических работ по советской песне, в том числе библиография “30 лет советской массовой песни”»[43].

К сожалению, текст статьи пока не обнаружен, поэтому о его содержании мы можем судить только по сохранившимся откликам. В более поздних документах Магид указывала значительный объем рукописи, который составлял 5,5 авторских листа[44]. Так или иначе, судя по заглавию, перед Магид была поставлена очень нетривиальная задача – обобщить в историческом ключе путь развития русского народного и массового творчества в советское время. В этой формулировке смыкались два магистральных метода советской науки, провозглашенных на рубеже 1940–1950-х гг.: *историзм*, требующий, по словам одного из идеологов

---

[41] См.: Выписку из протокола № 11 заседания Бюро Отделения литературы и языка АН СССР от 29 июня 1949 г. (СПбФ АРАН, ф. 150, оп. 2, д. 720, л. 27).

[42] Там же, л. 11. Характеристика составлена председателем местного комитета ЛССК Д. Прицкером 15 февраля 1947 г.

[43] Там же, л. 19.

[44] См. перечень трудов, приложенный к анкете в фонде Ленинградского отделения Союза композиторов СССР (ЦГАЛИ СПб, ф. 348, оп. 3, ед. хр. 40, л. 5. Приводится по работе: *Френкель А. С.* Софья Давыдовна Магид. С. 187).

того времени этнографа и директора Института этнографии С. П. Толстова, «конкретного исторического исследования культуры каждого народа»[45], и основное *внимание к изучению современности*, сопровождавшиеся отчаянной борьбой с «архаизацией» культуры и быта изучаемых народов[46] и преобладанием описательности в научных работах[47].

Такой подход требовал серьезной – прежде всего, концептуальной – переработки почти готовой монографии. В отчете Отдела за 1950 г. говорилось о трудной судьбе издания: «Трехтомник “Русский фольклор” в первом своем варианте считался законченным еще до 1950 года. В 1949 году в связи со сменой руководства Института все три тома были подвергнуты рецензированию и признаны методологически неправильными, построенными на статическом жанровом изложении материалов и подлежащими написанию заново, на основе исторической периодизации явлений народного творчества»[48].

Первое обсуждение главы на секторе состоялось 7 января 1950 г., в ходе которого С. Д. Магид были указаны «основные пороки ее статьи» и установлен «окончательный срок представления» статьи – 7 февраля 1950 г.[49]

Второе обсуждение работы было назначено на 13 марта – день, когда Магид находилась на больничном листе, а заведующий Фонограммархивом Ф. А. Рубцов читал лекции в консерватории. Вполне очевидно, что заседание было организовано таким образом, чтобы музыковеды и даже сам автор не смогли принять участие в обсуждении, а значит, и не могли бы

---

[45] *Толстов С. П.* Этнография и современность // Советская этнография. 1946. № 1. С. 8.

[46] В 1948 г. «Литературная газета» упрекала фольклористов Института этнографии в том, что вместо изучения фольклора Великой Отечественной войны и современных форм фольклора они сосредоточились на проблемах изучения обрядового фольклора, собирают давно исчезнувшие в «колхозной деревне» обряд похорон кукушки, Костромы, «магические» песни и др. «Этот антиисторический подход, – заключает автор обличительной статьи, направленной против ведущих советских фольклористов, – приводит к вредной идеализации всего прошлого, к полной недооценке принципиально нового содержания в фольклоре, обусловленного советской действительностью» (*Балакин А.* Похороны кукушки // Литературная газета. 1948. 17 марта. № 22. С. 3).

[47] Подробнее об этих тенденциях в археологии, этнографии и в советской науке в целом см. в работе: *Алымов С. С.* Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940–1950-х годов // Новое литературное обозрение. 2009. № 3 (97). С. 7–36.

[48] СПбФ АРАН, ф. 150, оп. 1-1950, д. 17, л. 13 (Цит по: Два отзыва о научной деятельности М. К. Азадовского / Публ. Т. Г. Ивановой // Русская литература. 2006. № 2. С. 101. Сн. 15).

[49] Там же. С. 162.

возразить на жесткие, необоснованные, зачастую надуманные претензии коллег и их курьезные предложения или просто объяснить свою позицию. Спешку и «отстранение музыковедов» представители Института позже объясняли «невозможностью дальнейших оттяжек со сдачей статьи редакции тома», однако это не совсем соответствовало действительности. Известно, что работа над третьим томом продолжалась в течение 1950 и 1951 гг. Веским аргументом в пользу того, что обсуждение было спланированной акцией, является запутанная история с увольнением Ф. А. Рубцова, о которой будет сказано ниже.

В заседании участвовали сотрудники секции и аспиранты: А. М. Астахова, В. П. Городецкий[50], А. Н. Лозанова[51], П. Г. Ширяева[52], В. А. Кравчинская, М. Я. Парижская, Г. Г. Шаповалова[53], А. П. Разумова[54], Ф. В. Плесовский[55],

---

[50] *Борис Павлович Городецкий* (1896—1974); в ИРЛИ с 15.10.1935 по 23.07.1942; с 08.1944 по 16.07.1970. В ИРЛИ зачислен в рукописный отдел (РО) науч. сотр. I разряда, затем — ст. науч. сотр. С 1 янв. 1940 г. – зав. РО, а с окт. 1941 по конец <июля> 1942 г. — зам. директора ин-та. По возвращении в Ленинград из эвакуации принят в ИРЛИ ст. науч. сотр. С апр. 1945 г. – ученый секретарь ИРЛИ, с 15 апреля 1949 г. – зам. директора, с окт. 1950 г. – ст. науч. сотр. (Пушкинский Дом: Материалы к истории. С. 428). Здесь и далее (сн. 50–57). – *Примеч. Е. И. Якубовской*.

[51] *Александра Николаевна Лозанова* (1896—1968); в ИРЛИ с 01.1934 по 19.08.1941; с 01.02.1945 по 01.07.1958. Работала ст. науч. сотр. в Отделе фольклора народов СССР, участвовала в фольклорных экспедициях. Занималась составлением антологии песен о Степане Разине и Емельяне Пугачеве, изучением фольклора советской эпохи. С 1938 по 1940 г. была командирована в Карельский НИИ культуры, где заведовала Сектором фольклора (Пушкинский Дом: Материалы к истории. С. 472).

[52] *Пелагея Григорьевна Ширяева* (1903—1986); в ИРЛИ с 01.03.1939 по 09.02.1959. С 1939 г. – науч. сотр. II разряда Сектора фольклора, затем мл. науч. сотр. (Пушкинский Дом: Материалы к истории. С. 546).

[53] *Галина Григорьевна Шаповалова* (1918–1996); в ИРЛИ с 15.09.1939 по 20.08.1941; с 23.10.1944 по 01.04.1968. В 1939–1941 гг. экскурсовод в Литературном музее ИРЛИ, 1944—1947 – науч.-тех. сотр., 1947–1956 – мл. науч. сотр. Отдела фольклора, с 1956 по 1967 г. – мл. науч. сотр. РО, хранитель фольклорных фондов (Пушкинский Дом: Материалы к истории. С. 544).

[54] *Александра Павловна Разумова* (1911—2004). В марте 1947 г. А. П. Разумова поступила в аспирантуру при Карело-Финской Базе АН СССР. Обучение проходила в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) в Ленинграде. В 1951 г. А. П. Разумова защитила диссертацию на тему: «Значение студенческого движения и политической ссылки в русской фольклористике 1860-х гг. (П. Н. Рыбников и П. С. Ефименко)».

[55] *Федор Васильевич Плесовский* (1920—1988). 16.12.1946 зачислен в кандидатскую аспирантуру Базы Академии наук СССР и в 1947 г. направлен для обучения в ИРЛИ. В 1951 г. защитил канд. диссертацию на тему «Сказки коми народа». С 1952 по 1982 г.— ст. науч. сотр. Сектора языка и литературы Коми филиала АН СССР (https://rciiipt.komi.muzkult.ru/news/64182455).

Л. В. Домановский[56], председательствовала: Варвара Павловна Адрианова-Перетц, заведующая Отделом древнерусской литературы[57].

В ходе заседания позиции участников обсуждения разделились. Так, А. М. Астахова, возглавившая Сектор после ухода Азадовского, очевидно, не имела намерения разгромить статью и, как и в случае с травлей бывшего заведующего Сектором, выдерживала нейтралитет, стараясь честно говорить как о недостатках, так и о достоинствах работы коллеги. В своей вводной речи она отмечала: «С. Д. Магид значительно улучшила статью, некоторые части написала заново, улучшен раздел о композиторах, очень интересен раздел о колхозной самодеятельности. Даже в этом виде статья имеет ряд положительных сторон. Но при всех улучшениях основной недостаток остался: отсутствуют музыкальные характеристики, они подменены словесными. Вводная часть написана правильно, но музыкальные особенности революционных песен не раскрыты. 2-ой раздел определенно неудачен, нет акцента на музыкальное звучание фольклора. Тот же недостаток отличает раздел песен гражданской войны – указываются тексты, но не раскрыто, какое звучание приобрели эти напевы»[58].

Нетрудно заметить, что основные претензии филолога Астаховой лежали в области музыкального анализа фольклора советской эпохи, хотя некоторые открытия Магид она не преминула отметить: «Очень неудачен раздел песен о Великой Отечественной войне, здесь все скомкано и сведено к простому перечислению песен, притом неполному. В этом разделе имеются интересные наблюдения о вальсообразных напевах, аритмических перебоях с наигрышами (последнее уже было замечено ранее Лебединским)»[59].

---

[56] *Леонид Владимирович Домановский* (1920–1968); в ИРЛИ с 09.1957 по 03.04.1968. Область научных интересов: история фольклора, советский фольклор, текстология фольклора, исторические песни (Пушкинский Дом: Материалы к истории. С. 439). Работал в ИРЛИ с 1953 г. сначала как внештатный, а потом как штатный сотрудник (*Панченко А. А.* Общая характеристика коллекции № 193 («Особое хранение») // Русский политический фольклор. Исследования и публикации (https://culture.wikireading.ru/27543)).

[57] *Варвара Павловна Адрианова-Перетц* (1888–1972); в ИРЛИ с 01.02.1934 по 05.03.1954. С 1934 г. ст. науч. сотр. Отдела древнерусской литературы, а с 1947 по 1954 г. возглавляла отдел. С 10 ноября 1950 г. по 8 июня 1951 г. была зам. директора ин-та. В 1943 г. избрана чл.-корр. АН СССР. Научно-исследовательская работа велась в области русской литературы XI—XVII вв., русского фольклора (Пушкинский Дом: Материалы к истории. С. 393).

[58] См. с. 306 наст. изд.

[59] См. с. 307 наст. изд. *Лев Николаевич Лебединский* (1904–1992) – музыковед, фольклорист, один из руководителей (1925–1930 – председатель, в 1930–1932 гг.– ответственный секретарь) и идеолог Российской ассоциации пролетарских музыкантов (РАПМ), в годы Великой Отечественной войны работал художественным руководителем самодеятельных

В целом Астахова довольно оптимистично смотрела на судьбу статьи, считала неправильным от нее отказаться и исключать из тома, аргументируя в том числе и соображениями экономического плана: «...учитывая в особенности, что это первый опыт пробега через советский песенный период, а также и то, что затрачены на эту статью время и государственные средства»[60]. Вместе с тем она предлагала отдать ее на редактирование композитору, «так как в ней нет именно того, что требуется знать музыковеду», и доработать, привлекая соавтора. Андрианова-Перетц предложила в соавторы музыковеда, фольклориста Н. И. Жемчужину[61], кандидатура которой встретила возражения[62].

Последовавшие за этим прения переросли в серьезные, местами клеветнические обвинения в адрес Магид и испепеляющую критику ее работы от филологов: Ширяевой, Кравчинской, Лозановой – все трое еще недавно принимали активное участие в шельмовании Азадовского. Но особенно непримиримо выступали молодые сотрудницы – Г. Г. Шаповалова и М. Я. Парижская и поддержавшая их В. П. Адрианова-Перетц.

Открыла прения Шаповалова. В протоколе ее реплики отличаются чеканностью и обличительной направленностью: «Возражает против статьи

коллективов г. Подольска. Автор работ по массовой советской музыке и революционной песне. Какую именно работу Л. Н. Лебединского имела в виду Астахова, установить не удалось.

[60] См. с. 307 наст. изд.

[61] *Наталья Ивановна Жемчужина* (1904 – не ранее 1963) – музыковед-фольклорист, окончила Ленинградскую консерваторию по инструкторскому (1936) и историко-теоретическому (1937) отделениям, в 1941 г. окончила аспирантуру Ленинградской консерватории, где начала работу над диссертацией под руководством Е. В. Гиппиуса, прикрепившись, как она указывала в автобиографии, к кабинету музыкального фольклора Отдела фольклора народов СССР Пушкинского Дома. В 1945 г. защитила кандидатскую диссертацию «Русская народная городская плясовая песня XVIII века». В 1935–1941 гг. читала в консерватории курс истории музыки, в 1945–1957 гг. – курс народного музыкального творчества. Перед самой войной успела съездить руководителем экспедиции в Карелию, после возвращения в Ленинград продолжила экспедиционную деятельность, активно собирала фольклор Великой отечественной войны. Начиная с 1944 г. Н. И. Жемчужина работала в Государственном научном исследовательском институте театра и музыки в должности старшего научного сотрудника и заведующей отделением (позже – кабинетом) народного музыкального творчества. Подробнее о деятельности Н. И. Жемчужиной см.: *Долматова Е. В.* Наталья Ивановна Жемчужина – музыковед-фольклорист // Musicus: Вестник Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова. 2013. № 3 (35). С. 9–15.

[62] В 1955 г. Жемчужина подготовила к изданию исследование на тему, близкую обсуждаемой работе С. Д. Магид (*Жемчужина Н. И.* Русская народная песня Советского времени / Ред. Н. П. Колпакова. Л., 1955. 36 с.). Причины, по которой кандидатура Жемчужиной не устроила коллектив монографии, неизвестны.

С. Д. Магид, написанной вне исторического плана, который является обязательным для всех статей, входящих в III том, и высказывает свои впечатления о статье. Аполитичность ее бросается в глаза с первых же строк и идет на протяжении всей статьи: те вклейки-цитаты, которые внесены во 2-й вариант, не исправляют положения. Получается единый поток, в котором исчезают различия между историческими явлениями и их песенными отражениями: Кавказские войны и гражданская война показаны на одном уровне. Трудно себе представить, что эта статья написана старшим научным сотрудником-музыковедом, долгие годы изучавшим этот вопрос. Налицо несерьезное и нечестное отношение к своей работе и неуважение к своему будущему читателю. Ведь статья предназначается для студентов ВУЗов и научных работников»[63].

Обвинение С. Д. Магид в «аполитичности» является прямой отсылкой к упомянутой выше статье в «Литературной газете» за 1948 г., обличающей фольклористов, для чьих работ, по мнению автора, характерно «отрицание нового качественного развития фольклора за годы советской власти», ср.: «Безыдейностью и аполитичностью отмечены статьи теоретического характера по фольклору»[64]. В завершение своего отзыва Шаповалова предложила вернуть статью Магид на доработку, резюмировав: «В исправленном виде статья будет интересная и нужная»[65].

Каждый из критикующих говорил о своем, о наболевшем. Лозанова, увидевшая в работе много интересного и полезного и не высказавшая принципиальных возражений, вместе с тем отметила, что в ней отсутствуют тезисы, общие для всего тома, и вновь посетовала на недостаток музыкальных характеристик народных и советских песен: «Статья не опирается на музыкальные материалы. С. Д. Магид и не пытается их найти, ограничиваясь указаниями, на какой мотив используется та или иная песня, что совершенно недостаточно. В народном звучании эти мотивы переинтонируются, что и следовало автору раскрыть. Может ли С. Д. Магид заполнить это “зияние”? Даже если мы ей дадим год срока на такую работу, как музыкальный анализ советских песен от Октября до расцвета колхозной самодеятельности, и то вряд ли она справится с такой задачей»[66]. Ее вердикт был неутешителен: «В целом статья не может пойти, переделать ее, даже при соавторстве, С. Д. Магид не сможет».

---

[63] См. с. 308 наст. изд.
[64] *Балакин А.* Похороны кукушки. С. 3.
[65] См. с. 308 наст. изд.
[66] См.: Там же.

Первые скрипки в обсуждении статьи сыграли Кравчинская и Ширяева. Вердикт Кравчинской был таков: «Правильные характеристики отдельных массовых советских песен на основе музыкальных примеров даны на стр. 81 и 98–99, но эти положительные моменты не могут повлиять на общую оценку статьи как не отвечающей своему назначению».

Ширяева, начав свою речь с вопроса «Что сделать со статьей, которая не может быть приемлема?» и утверждения, что сама Магид «с этой работой не справится», предложила пригласить ей в помощь музыковедов Л. Н. Лебединского или И. В. Нестьева[67], а для доработки «раздела о песнях гражданской войны и революционных рабочих песнях» – М. С. Друскина[68].

Вполне в духе партийных проработок она бросила камень и в адрес Ф. А. Рубцова: «...он не принимал никакого участия в работе Магид над статьею, хотя обязан был это делать, как заведующий Фонограммархивом. Он даже не потрудился прочитать статью и не явился сегодня на ее обсуждение, передав, что он занят чтением лекции в Консерватории. Такое отношение к своему участку работы является нечестным и непартийным (просит занести в протокол)»[69].

---

[67] *Израиль Владимирович Нестьев* (1911–1993) – музыковед. В 1937 г. окончил историко-теоретический факультет и в 1940 г. аспирантуру Московской консерватории; в 1937–1938 гг. заведовал отделом в газете «Музыка», в 1939–1941 гг. – ответственный секретарь журнала «Советская музыка». В 1941–1945 гг. служил в Советской армии, в 1943—1944 гг. был корреспондентом газеты 13-й армии «Сын Родины». В 1946 г. опубликовал работу: *Нестьев И. В.* Советская массовая песня. М.: Музгиз, 1946.

[68] *Михаил Семенович Друскин* (1905–1991) – музыковед, пианист, педагог. Окончил Петроградскую консерваторию (1924, класс фортепиано), Высшие курсы Государственного института истории искусств (1925). Автор серии работ о русской революционной, студенческой и рабочей песне, песнях Гражданской войны. В 1934–1938 гг. руководил «бригадой по собиранию русской революционной песни», организованной при Фольклорной секции Института антропологии и этнографии Академии наук СССР. Под его руководством было подготовлено научное собрание и исследование с рабочим названием «Исторические пути развития революционной песни» (рукопись хранится в РО ИРЛИ. Р. V. К. 102), а также сборник: 50 русских революционных песен: для хора без сопровожд. / Свободная обработка нар. артиста СССР орденоносца А. В. Александрова и Б. С. Шехтера; Сост. и ред. М. С. Друскин. Л.: Музгиз, 1938. Исследования М. С. Друскина, история подготовки собрания русских революционных песен и материалы к ней представлены в издании: *Друскин М. С.* Собрание сочинений: В 7 т. / Ред.-сост. Л. Г. Ковнацкая; Рос. ин-т истории искусств; СПбГК. Т. 5: Русская революционная песня / М. С. Друскин; Ред. кол.: Л. Г. Ковнацкая и др., Сост., вступ. статья, материалы, публ. писем и документов, коммент. С. В. Подрезовой. СПб.: Композитор, 2012. 800 с.

[69] См. с. 314 наст. изд.

Особой непримиримостью отличаются высказывания М. Я. Парижской, которые раскрывают тенденциозность и местами наивность ее суждений о самой статье, о процессах, которые происходили в фольклорной традиции, о вехах и направлениях развития советской массовой песенности: «Статья С. Д. Магид не имеет необходимого вступления, которое раскрыло бы основные признаки советских песен: их мажорность, призывность, оптимистическую направленность. Даже песни, посвященные тяжелым событиям – смерти В. И. Ленина, смертельным боям в период гражданской и Великой Отечественной войны – построены на мажорных интонациях, ибо советский народ уверенно идет вперед, полный сознания своей правоты и непобедимости. Кроме того, вступление должно отразить политику партии и правительства в отношении развития советской песни. Нельзя говорить о стихийности в этом процессе. В отличие от развития старой русской песни советская песня развивается планомерно и целенаправленно. Не имеет работа и заключения»[70].

Наконец, из речи Парижской становится ясно, что перед Магид ставились заведомо невыполнимые задачи, не только не входившие в зону ее научных интересов и компетенций и требующие проведения самостоятельного исследования, но и далеко выходящие за рамки фольклористики: обобщить весь период существования так называемой «советской массовой песни» и «показать основные линии» ее развития, и «провести их через все периоды», проследить «линию лирических песен – где личные мотивы переплетены с общественными», привести примеры использования советской песней крестьянского и городского фольклора и др. Есть в ее суждениях и интонации политического доноса: «Неверно политически стр. 103: “Едва лишь успели сгладиться первые потрясающие впечатления от неожиданного вероломного нападения на СССР, как на их место встала твердая и непоколебимая уверенность в конечной победе над врагом»”[71] – советские люди всегда были уверены в своей победе»[72].

Не менее тенденциозными были реплики В. А. Кравчинской – вновь прозвучали упреки в подмене музыкальных характеристик песен «рассмотрением текстов формулировками, не раскрывающими звучание песни», в поверхностности суждений о творчестве советских композиторов и резюме о том, что Магид со своей задачей не справилась.

---

[70] См. с. 309 наст. изд.

[71] Приводится цитата страницы 103 работы С. Д. Магид.

[72] См. с. 311 наст. изд.

Удивительно, но позиции Парижской, Кравчинской и Шаповаловой полностью разделила член-корреспондент Академии наук В. П. Адрианова-Перетц, председательствующая на заседании и принимавшая окончательное решение о судьбе статьи и самой Магид. Ее речь также полна штампов о «развитии русского народного песенного творчества в советский период»:

«Весь крен статьи направлен на композиторскую песню, усвоенную народом, то есть в окончательном итоге приводит к выводу о бесплодности самого народного творчества, что ясно противоречит действительности, и что подрывает значение остальных глав тома, утверждающих развитие русского народного песенного творчества в советский период»[73].

И далее: «Более четкую характеристику, чем музыковеды Фонограммархива, – словно издеваясь над Магид, говорила Андрианова-Перетц, – дала М. Я. Парижская, нащупавшая в своем выступлении правильную оценку музыкального содержания песен советской эпохи. Резковатое, но правильное определение статьи дала и Г. Г. Шаповалова, справедливо указав, что здесь не видно “старшего научного сотрудника”. <...> С. Д. Магид просто не справилась со статьей. Непонятно, почему у Магид не было контакта с Рубцовым. Надо признать, что статьи нет, она не сделана, она скорее подходит по направлению к II тому истории русской литературы, чем к Советскому фольклору. Это сырая, рыхлая масса, которая начисто зачеркивает музыкальный фольклор и оказывается для нас не только бесполезной, но и вредной. Статья “не вышла” и использована быть не может»[74].

Поскольку статья «решала вопрос о выполнении плана», на заседании было установлено следующее:

1) Сектор фольклора считает статью С. Д. Магид «Русское народное песенное творчество» неприемлемой для III тома «Русский фольклор».
2) План С. Д. Магид за 1949 г. является невыполненным.
3) Предложить С. Д. Магид дописать 2 печатных листа к следуемым по плану 3 листам и внести все необходимые исправления в «Псковский сборник».

Последняя формулировка, на первый взгляд, оставляла пространство для маневра, но очевидно, что это пространство было лишь видимым.

[73] См. с. 315 наст. изд.
[74] См. с. 316 наст. изд.

Магид была уволена спустя ровно месяц – 13 апреля[75]. Тем же числом – 13 апреля и с той же формулировкой был издан приказ об отчислении из штата Ф. А. Рубцова (см. документ № 5). Приказы-близнецы были подготовлены как под копирку на основании Протокола научного заседания Сектора фольклора, состоявшегося 12 апреля 1950 г., причем приказ Рубцова имел номер 32, а Магид – 35. Вместе с тем в личном деле Рубцова хранятся два документа, которые вступают в резкое противоречие с приказом и вносят интригу в описанную в данной статье историю. 16 марта 1950 г. Ф. А. пишет письмо директору Института Н. Ф. Бельчикову (документ № 4), в котором напоминает о давней договоренности «по хорошему» не числить его сотрудником Института с 1 марта. Упоминает он и положительную резолюцию на своем заявлении – этот документ хранится в личном деле ученого (документ № 3). По всей видимости, этот разговор действительно состоялся, доказательством чему является недоумение по поводу «резкой претензии» о его неявке на работу, и состоялся до издания приказа об увольнении и до знаменитого заседания – резолюция датирована 6 марта. 20 марта, согласно документам, был составлен акт о передаче дел Рубцовым новому ответственному – Николаю Ильичу Клочкову[76]. Тем более нелепо выглядит приказ об его «отчислении из штата». Можно с уверенностью сказать, что оба приказа были подготовлены заранее и судьба ученых была предопределена и не зависела от обсуждения. И Магид, и Рубцов знали об этом. Феодосий Антонович, имевший место преподавателя в консерватории, решил уйти «по хорошему», и этой истории не дали ход. Софья Давыдовна приняла иное решение.

* * *

Вынужденный уход Магид и Рубцова обнажил кризис в работе Фонограммархива, который был вызван причинами не внутреннего, а внешнего, системного характера. С уходом авторитетных ученых Фонограммархив был обречен существовать без исследователей. О серьезном кризисе

[75] Приказ № 35, по которому Магид была отчислена из штата, в личном деле не сохранился, но многократно цитируется в различных документах: в письме Е. М. Экмекчи в Обком Союза Высшей школы и научных учреждений (СПбФ АРАН, ф. 150, оп. 2, д. 720, л. 37) и выписке из приказа № 95 (Там же, л. 45). Цитаты из этого приказа без ссылки на источник проводятся в работе: *Светозарова Н. Д.* Иноэтнические коллекции в Институте русской литературы. С. 504. Примеч. 26.

[76] СПбФ АРАН, ф. 150, оп. 2, д. 749, л. 19–21 об.

(буквально – «гибели») Фонограммархива Магид писала в своем обращении к Президенту Академии наук СССР академику С. И. Вавилову[77].

После ухода Феодосия Антоновича Рубцова до конца 1950 г. Фонограммархив возглавлял сотрудник гальванопластической мастерской со средним техническим образованием Н. И. Клочков. Кроме него, в состав отдела входили два человека: старший научно-технический сотрудник, хранитель фонотеки – выпускница Ленинградской консерватории Анна Георгиевна Кудышкина[78] и лаборант со средним образованием В. А. Виноградова[79]. В конце 1950 г. специальная комиссия по проверке работы Института закономерно признала работу Фонограммархива и Н. И. Клочкова как его заведующего неудовлетворительной (документы № 6, 7). Вскоре Клочков также был отстранен от заведования. Неудовлетворительной была признана и работа Сектора фольклора (документ № 6).

Очевидно, что уход из Института двух давних сотрудников и ярких музыковедов имел очень большие последствия и оказался совершенно невыгодным сектору. Так, уже 25 сентября 1950 г. в докладной записке ученому секретарю Президиума Академии наук СССР от 25.09.1950 г. говорилось:

«В настоящем своем составе Фонограммархив не имеет ни одного высококвалифицированного музыковеда-фольклориста и остро нуждается в срочном усилении кадров. Необходимо срочно привлечение в Фонограммархив не менее двух высококвалифицированных специалистов-музыковедов на должности: а) заведующего Фонограммархив<ом> желательно со степенью доктора искусствоведческих наук; б) высококвалифицированного расшифровщика сложных фонограмм, желательно со степенью кандидата искусствоведческих наук»[80].

---

[77] Сам текст обращения нами пока не обнаружен, о его содержании можно судить по сохранившимся материалам к «Объяснительной записке к материалам индивидуальных планов и отчетов С. Д. Магид за 1947–1949 гг.» (30 августа 1950 г.) и документам на имя секретаря Президиума Академии наук СССР проф. В. П. Сухотина в ответ на запрос из Академии наук (2 окт. 1950 г.), которые приводятся в работе: *Петрова Л. И.* Софья Давыдовна Магид в Пушкинском Доме. С. 166.

[78] *Анна Георгиевна Кудышкина* (1918–?); в ИРЛИ с 05.1946 по 16.12 1953. Окончила ЛГК, в 1950 г. по специальности «народное музыкальное творчество». В ИРЛИ работала в должности ст. науч.-тех. сотр. (в штат введена с 15 янв. 1947 г.) в Фонограммархиве Сектора фольклора. Выполняла обязанности хранителя муз.-арх. материалов, расшифровывала фонозаписи. Принимала участие в фольклорных экспедициях по севернорусским и центральным областям страны (Пушкинский Дом: Материалы к истории. С. 464). – *Примеч. Е. И. Якубовской.*

[79] Сведения о ней найти не удалось.

[80] Годовой план работы сектора. Начато 31 декабря 1949 г. Окончено 11 ноября 1952 г. (Индекс № 211). Л. 117 (*Петрова Л. И.* Софья Давыдовна Магид в Пушкинском Доме. С. 167).

Фонограммархив в эти годы напоминал производственное предприятие. От сотрудников постоянно требовали наращивания объемов производства пластинок – копий фоноваликов, увеличения количества карточек картотеки, наконец, наладить порядок в «хозяйстве» Фонограммархива (документ № 6). Видя одну из основных задач по сохранению напевов в нотировании всех фонограмм, от сотрудников Фонограммархива ожидали больших объемов расшифровок, исчисляемых сотнями или тысячами в год (документ № 10). Все это сопровождалось ведением строгого хронометража и учета работы, особым вниманием к дисциплине (документ № 9, рис. 2), предоставлением ежеквартальных отчетов и требованием вести ежедневные записи и т. п. (документы № 7, 8 и 10) и говорило о недоверии к сотрудникам. Человеческий фактор и научная, творческая работа отошли на второй план. Красноречивым свидетельством всему сказанному является план-карточка А. Г. Кудышкиной на 1950 г. (рис. 1), вынужденной ежедневно подсчитывать количество времени, затраченного на все виды порученной ей фондовой, технической и научной работы.

Таким образом, увольнение Магид и Рубцова обнажило кризис Фонограммархива, кризис идей, кризис руководства Института и науки в целом.

* * *

Публикуемые ниже документы (рукописи-оригиналы или авторизованные машинописные копии) хранятся в Фонограммархиве ИРЛИ РАН. Фонд, в который они входят, прошел лишь предварительную обработку, поэтому документы не имеют нумерации. При необходимости изменены орфография и пунктуация, некоторые согласования в предложениях; унифицировано написание «Фонограммархив». Библиографические ссылки в документах уточнены и приводятся в соответствии с современными нормами.

С. В. Подрезова

Документы

1

И<СПОЛНЯЮЩЕМУ> О<БЯЗАННОСТИ> ЗАВЕДУЮЩЕГО ОТДЕЛОМ ФОЛЬКЛОРА ИЛИ[81] А. Н. СССР

<от> ст<аршего> научного сотрудника С. Д. Магид

Докладная записка

Поскольку я была поставлена в известность о том, что вопрос о выполнении мною плана за 1-ый квартал 1949 г<ода> вызвал ряд недоумений со стороны дирекции, – разъясняю:

1948 г<од>

1) По плану 1948 г<ода> на второе полугодие была запланирована фольклорная экспедиция в Великолуцкую область[82] и, на базе собранных в этой экспедиции материалов, начало работы над музыкальным сборником: «Песни Великолуцкой области» (входящим в пятилетний план А<кадемии> Н<аук>)[83].

---

[81] ИЛИ – так С. Д. Магид обозначает Институт литературы АН СССР.

[82] Фольклорная экспедиция в Великолукскую область состоялась в июле 1949 г. Кроме С. Д. Магид, в ней принимала участие Н. Л. Котикова – участница двух псковских экспедиций Фонограммархива, состоявшихся в 1946 (совместно с А. Г. Кудышкиной) и в 1947 гг. (совместно с С. Д. Магид и Н. И. Клочковым, который вел фонозапись). В 1949 г. работа проходила в Пеновском, Пореченском, Опочецком и Пустошкинском районах (ныне эти населенные пункты входят в состав Псковской и Тверской областей); ее результатом стали записи свадебных, лирических, календарных песен, частушек, наигрышей на уже редкой в то время гармони-однорядке. Ныне они хранятся в Фонде фоноваликов Фонограммархива ИРЛИ, кол. 226 F, ФВ 5698–5723. Важным итогом также явились выводы собирателей о границах местных песенных традиций.

[83] «Сборник песен Великолукской области» (1949–1951), в который были включены 11 напевов и 12 текстов традиционного фольклора и песни Великой Отечественной войны: фронтовые и партизанские, так и не вышел в намеченные сроки. Его беловая рукопись хранится в Рукописном фонде Фонограммархива (ФА ИРЛИ, РФ, п. 63, ед. хр. 1). Переплетенная рукопись. На форзаце синими чернилами: Магид С. Д. Далее сшитые тетради нотной бумаги, на которых тушью написаны нотировки, а тексты напечатаны на пишущей машинке (под копирку 3-й экз.) на стандартных листах А4 и наклеены на нотные листы. В нотах правка карандашом. Об этом свидетельствует надпись карандашом на л. 3: сбоку справа от оглавления первые 12 номеров отмечены фигурной скобкой; слева от нее: «В. Лукская экспедиция 1949 г. Черновики уничтожены. III. 1957» (почерк Б. М. Добровольского – в те годы зав. Фонограммархивом). Копия великолукской рукописи, переплетенная аналогичным образом (причем машинописные копии текстов представляют собой

2) 20-го мая 1948 г<ода> я заболела и вернулась к работе лишь 11 октября 1948 г<ода>, пролежав 5 месяцев. Поэтому летняя экспедиция в Великолуцкую область, намеченная на июль 1948 г<ода>, не могла состояться и срок окончания сборн<ика> «Песни Псковщины» (намеченный по плану на 1 июля 1948 г<ода>) из-за моего заболевания был соответственно передвинут на конец 1948 г<ода>, когда эта работа была мной закончена и представлена в отдел[84].

1949 г<од>

При составлении плана на 1949 г<од> мне было указано, что издания общеакадемического плана передвигать нельзя и поэтому Великолуцкий сборник должен быть во что бы то ни стало сдан к концу 1949 г<ода>, в сокращенный срок в 1 год, против 1 г<ода> 6 мес<яцев>, как это было утверждено в 1948 г<оду>.

Принимая в внимание а) что никакими музыкальными материалами по Великолуцкой обл<асти> в данный момент Ф<онограмм>Архив не располагал, поскольку экспедиция в 1948 г<оду> не состоялась, б) учитывая трудность экспедиции в зимнее время, в) возможность срыва ее сроков ввиду начала финансового года, я очень боялась принять на себя такое обязательство и решилась на это, лишь сознавая важность для ИЛИ сроков выполнения плановых изданий.

Таким образом, по утвержденному на первый квартал моему плану январь месяц 1949 г<ода> был запланирован для углубленной проработки материалов, связанных с Великолуцкой областью (фольклорных, этнографических исторических и материалов по партизанскому движению края во время Великой Отечественной войны). Работа эта была мною выполнена в срок (разъяснения по содержанию этой работы см. в приложении № 1).

В первых числах февраля 1949 г<ода> выяснилось, что назначенный на ближайшие дни отъезд экспедиции задерживается на некоторое

2-й экземпляр), хранится в Отделе рукописей РНБ: ф. 1000, пост. 1978.9, № 2 (Сведения 2013 г.). В 2018 г. удалось опубликовать записи великолукского фольклора из этого сборника (*Якубовская Е. И.* Записи Великолукской экспедиции ИРЛИ 1949 г. (по материалам рукописного сборника С. Д. Магид) / Публикация Е. И. Якубовской // Из истории русской фольклористики. Вып. 11: К юбилею Валерии Игоревны Ереминой. СПб., 2018. С. 352–424).

[84] Сборник «Песни Псковщины» представлен мною в значительно большем против запланированного объеме, а именно в размере 30 п. л., из которых словесный материал занимает 20 п. л., а музыкальный свыше 10 п. л. (статья = 2 п. л., развернутый комментарий научно-исследовательского типа – 8,5 п. л., песенные тексты 8,5 п. л., справочный материал – 1 п. л., 120 номеров музыкальных расшифровок – 160 нотных страниц). – *С. М.*

(по словам зам. директора по административной части «короткое») время по причинам бюджетного характера. Обеспокоенная этой затяжкой, я просила зав<едующего Фон<ограмм>Архивом Ф. А. Рубцова нагрузить меня работой по Фон<ограмм>Архиву с таким расчетом, чтобы эта работа не помешала в любой момент моему отъезду в экспедицию. Ф. А. Рубцовым мне было поручено взять на себя расшифровку музыкальных материалов Ильинского р<айо>на, вплотную примыкающего к Великолуцкой области, материалов, весьма сложных по строению и исключительно тяжелых в акустическом отношении (плохое качество восков[85]). К этой работе я приступила немедленно и ввиду того, что экспедиция все время оттягивалась (по тем же финансовым причинам), продолжала ее до конца марта 1949 г<ода>, когда эта работа, в количестве 7 расшифровок высшей степени трудности была мною закончена и представлена. Параллельно с этим мне была поручена работа по прослушиванию фонограмм и отбору их для гальванопластической копировки, которая и была мною выполнена в количестве 400 единиц хранения (фоноваликов). (Нормы перевода этих работ на листаж и количество затраченного на них времени см. приложение № 2.)

Отмечаю, что вышеуказанные музыкально-слуховые работы целиком используют возможный для человеческого уха лимит слуховой нагрузки на данный рабочий срок.

Работа сверх плана

Помимо вышеуказанной, в течение 1-го квартала 1949 г<ода> мною систематически проводилась работа по теме «Русское народнопесенное стихосложение», намеченной мною для будущей докторской диссертации. (Список проработанных и прореферированных капитальных работ советских и старых исследователей см. в приложении № 3).

Кроме того, со второй половины марта и по сегодняшний день работала по Пушкинской теме. Работа выразилась:

1) В проработке литературы и подборе словесных и музыкальных материалов, связанных с темой «Пушкин и народная песня».

2) В составлении библиографии в 200 карточек по теме: «Пушкин в произведениях советских композиторов», как материала для исследования о том, как оформлялись наиболее близкие и понятные народу пушкинские стихи старыми и советскими композиторами (с целью организации лекции-концерта на эту тему).

---

[85] Слово вписано поверх печатного «валов». По-видимому, следует читать: «восковых валиков».

Консультации

В моих поквартальных отчетах совершенно не получила отражения систематически проводимая мною работа по консультированию композиторов, обращающихся в Фонограммархив за творческой помощью по вопросам, связанным с русской народной песней и по подбору музыкальных народно-песенных материалов для их произведений, а также консультации работников концертных организаций и радио, постоянно обращающихся в Ф<онограмм>Архив за материалами. Содержание этой работы, реальные результаты, которые она имела в творческой музыкальной жизни нашего города, и количество потраченного на нее времени см. в приложении № 4.

В заключение в плане устранения недоумений по линии рабочей дисциплины напомню, что моими обязательными рабочими днями в Институте были установлены понедельник и среда, каковые дни я в течение года не пропустила ни разу.

Одновременно просила бы уточнить план моей работы на 2-й квартал, о чем прошу разрешения подать особую докладную записку.

«10» апреля 1949 г. *С. Д. Магид* (С. Д. Магид)

Приложение

Приложение 1

В течение января мес<яца> 1949 г<ода> мною проработаны следующие материалы, связанные с В<елико>Луцкой областью.

1) По партизанскому движению края (материалы партизанского отдела Музея обороны Ленинграда) (4 рабочих дня).

2) Проработаны следующие источники:

а) Фольклорно-этнографические: Семевский «В<еликие> Луки» – 211 стр<аниц> = 13,5 п<ечатных> л<истов>[86]; его же «Торопец» –

[86] *Семевский М. И.* Историко-этнографические заметки о Великих Луках и Великолуцком уезде. СПб.: Тип. гл. штаба по воен.-учеб. заведениям, 1857. 213 с.

140 стр. = 9 п. л.[87]; его же «Торопецкие камедчики»[88]; М. Успенский «Марипчельская крестьянская свадьба» – 2 п. л.[89]; сделаны выборки фольклорно-песенного материала из собраний Киреевского и Шейна и рукописного материала РГО; составлено свыше 300 карточек по песням В<елико>Луцкой области и пр. б) Лингвистические: Соболевский, «Очерк русской диалектологии» – 100 стр. = 6,5 п. л.[90]

в) Краеведческие издания, заключающие в себе этнографический и диалектологический материал: Василев, «Опыт географо-статистического словаря, вып. 2, посвященный Великолуцкому у<езду> – 173 стр. = 11 п. л.[91]; Семенов-Тяньшанский, «Географо-статистический словарь России», материалы: 1) О Великих Луках»[92] и 2) «О Великолуцком у.»[93] – 30 стр. = 1,5 п. л.; Маровский, статья «О состоянии Великолуцкого у.» (Псковский статистический сборн<ик>) – 100 стр. = 6,5 п. л.[94]

г) Исторические: Костомаров, «Северно-русские народоправства» – 448 стр. = 28 п. л.[95]; Ключевский 1 т.[96] (По вопросу о р. Ловати и В<еликих> Луках в связи с путем «из Варяг в Греки») отд<ельные> главы = 5 п. л.; Насонов, «Псковские летописи» (изд<ание> А<кадемии> Н<аук>

---

[87] *Семевский М. И.* Торопец, уездный город Псковской губернии. 1016–1864 г.: Очерк М. И. Семевского. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1864. 140 с.

[88] Первые изд.: 1) Общее описание: *Семевский М. И.* Торопец, уездный город Псковской губернии. 1016–1864 г.: Очерк М. И. Семевского. С. 44–46; 2) Общее описание и тексты: *Семевский М. И.* Торопец // «Библиотека для Чтения». 1863. № 12. С. 1–40. Изд. с науч. коммент.: *Семевский М. И.* Кукольное представление в Торопце // Фольклорный театр / Сост., вступ. ст., предисл. к текстам и коммент. А. Ф. Некрыловой, Н. И. Савушкиной. М., 1988. С. 356–366, коммент. С. 467 (Классическая б-ка «Современника»).

[89] *Успенский М.* Марипчельская крестьянская свадьба: Бытовой очерк (Великолукский уезд) // Живая старина / Под ред. В. И. Ламанского. СПб., 1898. Вып. 8. № 1. С. 80–104.

[90] *Соболевский А. И.* Опыт русской диалектологии: наречия великорусское, белорусское и малорусское. Киев: Изд. студентов-филологов, 1911. 93 с.

[91] *Василев И. И.* Опыт географическо-статистического словаря Псковской губернии. [Вып. 2]: Великолуцкий уезд. Псков: Тип. губ. земства, 1884. 284 с.

[92] *Семенов-Тян-Шанский П. П.* Географическо-статистический словарь Российской империи: Т. 1 / Сост. по поручению Рус. геогр. о-ва действ. чл. О-ва П. Семёнов. СПб.: Иждивением А. Н. Турубаева, 1863. С. 414–415 (https://reallib.org/reader?file=1347994&pg=426).

[93] Там же. С. 415–416.

[94] *Маровский Л. А.* Записка о санитарном состоянии Великолуцкого уезда во второй половине июля 1870 года // Псковский статистический сборник на 1871 год. Псков, 1871. С. 1–102.

[95] *Костомаров Н. И.* Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. [Новгород — Псков — Вятка]: В 2 т. СПб.: Издание Д. Е. Кожанчикова; Тип. Т-ва «Общественная польза», 1863. Т. 2. III. 448 с.

[96] Вероятно, имеется в виду издание: *Ключевский В. О.* Русская история. [М.]: [б. и.], [19--]. [Вып. 1].

1941 <года>) – 208 стр.[97] = 13 п. л.; Греков, Статья о восстании смердов (Историч<еские> Записки А<кадемии> Н<аук>) – 24 стр.[98] = 1,5 п. л.

Кроме этих источников, просмотрены комплекты «Живой старины» за 26 лет (1891–1916) и «Этнографического обозрения» за 29 лет (1889–1918).

Приложение 2

1) Скала перевода слуховых-музыкальных работ Фонограммархива (расшифровок) на листаж. Была согласована до Великой Отечественной войны с дирекцией ИЛИ в 1939 г. из следующего расчета:

Степень трудности	**К-во расшифровок, равное 1 п. л.**	**Норма времени на 1 расшифровку**
Расшифровка 3-й ст<епени> (высшей)	7–8	35 часов
2-й ст<епени>	12	19–20 часов
1-й ст<епени>	25	8–9 часов

Выполненная мною работа по расшифровке 7 фонограмм высшей степени трудности потребовала 245 раб<очих> часов.

2) Прослушивание и отбор фоноваликов для гальван[99] – из расчета 5 фонограмм в час. Прослушано 400 фоногр<амм> = 80 раб<очих> часов.

Приложение 3

За 1-й квартал 1949 г<ода> мною прореферированы работы по проблеме русского народно-песенного стихосложения:

[97] Псковские летописи. Вып. 1 / Пригот. к печати А. Насонов. М.; Л., 1941. LXIV. 148 с.

[98] *Греков Б. Д.* Движение псковских смердов 1483—1486 гг. и «смердьи грамоты» // Исторические записки. 1946. Т. 20. С. 3–23.

[99] Для создания гальванизированных копий фоноваликов. По какому принципу приходил отбор фонозаписей для гальванизирования, пока не установлено.

1) Статья Штокмара в «Известиях А<кадемии> Н<аук>», 1941 – 2 п. л.[100]; его же статья в «Литер<атурном> критике» 1936 – 2 п. л.[101]; статья Квятковского, там же – 1,5 п. л.[102]; проработан капитальный труд Сокальского «Русская народная песня» – 300 стр.[103] = 20,5 п. л.

Приложение 4

Консультации.

Средняя продолжительность творческой консультации = 2–3 часам. В текущем году мною проведены 10 развернутых консультаций, из них 7 – творческие консультации с композиторами; 2 консультации (групповых) с музыкальными работниками Госэстрады[104] по вопросам стиля исполнения русских народных песен (с прослушиванием их репертуара и по отбору для их концертной работы неопубликованных песенных материалов Фонограммархива; 1 консультация с музыкально-художественным руководителем Госэстрады по вопросу об обработках русских народных песен для концертного исполнения. В результате связи Фон<ограмм> Архива с Госэстрадой в значительной степени обновлен и улучшен репертуар русской народной песни (так, например, материал, исполняемый квартетом сестер Федоровых[105], в значительной своей части основан на материалах Фон<ограмм>Арх<ива>).

---

[100] *Штокмар М. П.* Основы ритмики русского народного стиха // Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР. 1941. № 1. С. 106–136.

[101] *Штокмар М. П.* Библиография работ по стихосложению (1933–1935) // Литературный критик. 1936. № 8. С. 194–205; № 9. С. 235–253.

[102] Какую именно статью Александра Павловича Квятковского, литературоведа, теоретика стиха, имеет в виду С. Д. Магид, установить не удалось.

[103] Точное название работы: Русская народная музыка великорусская и малорусская в ее строении мелодическом и ритмическом и отличия ее от основ современной гармонической музыки: Исслед. П. П. Сокальского. Харьков: Тип. А. Дарре, 1888. 368 с. разд. паг.: нот.; 26.

[104] Ленинградская государственная эстрада Комитета по делам искусств (Ленгосэстрада) при Совете министров СССР, в период с 1930 по 1946 г. – Ленинградское государственное объединение музыки, эстрады и цирка Центрального управления государственными цирками. Основной целью организации было создание новых форм и жанров эстрадного искусства, широко практиковались специальные заказы советским композиторам.

[105] Вокальный ансамбль был создан уроженками с. Старый Борок Дедовического р-на Псковской обл. сестрами Екатериной (1924 г. р.), Ниной (1926 г. р.), Нинелью (1928 г. р.) и Анастасией (1931 г. р.) Федоровыми. В репертуар ансамбля входили обработки

В результате проведенных консультаций и на базе указанных мною материалов написаны и будут исполняться в ближайшее время капитальная «Русская сюита» для хора с оркестром композитора Матвеева[106], ряд хоровых обработок русских народных песен композитора Маклакова[107] (исполняется по радио по материалам, предоставленным Фон<ограмм>-Архивом). Пишется ряд пьес для ансамбля духовых инструментов композитором Митюшиным[108].

Кроме того, в текущем году ко мне обращались за творческой помощью композиторы: Чичерина (по поводу средне-русского материала для симфонии[109]), Леви (по поводу новых записей поморского фольклора

аутентичных образцов русских народных песен разных жанров из различных локальных традиций – лирических, хороводных, свадебных, припевок и частушек и др. С 1948 г. ансамбль получил статус профессионального. В 1949 г. на Международном фестивале демократической молодежи и студентов в Будапеште квартет получил первую премию.

[106] *Михаил Александрович Матвеев* (1912–1994) – известный советский композитор, окончил Ленинградскую консерваторию как композитор в классе М. Ф. Гнесина. С 1944 г. – ответственный секретарь Ленинградской организации Союза композиторов, с 1948 г. – начальник музыкального отдела Ленинградского радио. В своем творчестве неоднократно обращался к музыкальному фольклору, автор 12 вокальных пьес на темы русских народных песен (сл. нар., 1946), сюиты «Русская свадьба» для солистов, хора и фортепиано (сл. нар., 1950) и др. «Русская сюита» была написана для оркестра русских народных инструментов в 1964 г., издана: Русская сюита: Для оркестра русских народных инструментов. Л., 1967. 111 с.

[107] *Владимир Алексеевич Маклаков* (1912–1979) – композитор, педагог. Окончил Ленинградскую консерваторию как композитор в классе М. Ф. Гнесина. В 1943–1948 гг. работал в Ленинградском отделении Союза композиторов, в 1948–1951 гг. – музыкальный руководитель и концертмейстер Ансамбля песни и пляски Центральной группы войск (г. Баден, Австрия).

[108] *Александр Сергеевич Митюшин* (1888–1961) – скрипач, композитор, дирижер. Автор симфонических и вокально-симфонических произведений, музыки для театра, камерно-вокальных сочинений. Много писал для ансамблей духовых инструментов и оркестра русских народных инструментов, в том числе – на фольклорные темы разных народов. В конце 1940 – начале 1950-х им были созданы: «Сюита на русские темы» (1946) для квартета деревянных духовых, «Три русские миниатюры» для симфонического оркестра (1949), «Русская рапсодия» для духового оркестра (1948), «Баллада» для трубы и духового оркестра (1950); «Концертино на русские темы» для 4 валторн (1952).

[109] *Софья Николаевна Чичерина* (1904–1983) – композитор, пианистка. Окончила Ленинградскую консерваторию как композитор в классе В. В. Щербачёва. Будучи выходцем из знатного тамбовского дворянского рода, детство и юность провела в родовом имении Покровское Козловского уезда. Находясь в эвакуации в Новосибирске, Чичерина собирала и обрабатывала старинные напевы, которые составили «Три песни сибирского казачества» для хора. В указанный период работала над симфонической Сюитой № 1 («Русской сюитой», 1952), в которой звучат интонации народных песен.

и карельским народным песням[110]), Пушков[111] (песенные материалы для фильма из жизни колхоза), Животов[112] (русские народные песни), Мильнер (по вопросу о негритянских революционных песнях[113]) и друг<ие>.

Источник: ФА ИРЛИ. РФ, р. I, п. Документы по Фонограммархиву. 5 л. Машинопись, 2-й экз.

---

[110] *Наталья Николаевна Леви* (1901–1972) – композитор, автор произведений для оркестра народных инструментов, музыки для детей, собиратель русского и карельского фольклора. В 1936–1937 гг. была сотрудницей Карельского научно-исследовательского института. Член Ленинградского отделения Союза советских композиторов. Вероятно, в 1948 г. Н. Н. Леви собирала материалы для исследовательской работы «Поморские и сегозерские песни» (1949), а также для сюиты «Русский север» для солистов, хора и оркестра народных инструментов (сл. народные, 1950) и к другим будущим работам.

[111] *Венедикт Венедиктович Пушков* (1896–1971) – композитор и педагог. Окончил ленинградскую консерваторию в классе В. В. Щербачёва, с 1935 г. – доцент консерватории. Автор оперы, оркестровых сюит, вокально-камерных жанров и массовых песен, музыки к спектаклям, внес большой вклад в развитие киномузыки. Фильм, над которым работал в это время В. В. Пушков, установить не удалось. Ближайший кинофильм – «Большая семья» (1954, реж. И. Хейфец), музыку к которому написал композитор, повествует о жизни заводских рабочих.

[112] *Алексей Семёнович Животов* (1904–1964) – композитор, инструменталист (обучался в консерватории по классам кларнета, фортепиано, ударных инструментов) и дирижер. Окончил Ленинградскую консерваторию как композитор в классе В. В. Щербачёва. В своем творчестве стремился к демократизации музыкального языка через обращение к интонациям массовых песен. В этот период работал над двумя камерно-вокальными циклами: «Весна» на стихи А. Прокофьева, М. Исаковского, С. Щипачёва (1949) и «Пять песен на стихи М. Исаковского» (1950).

[113] *Михаил Арнольдович (Моше Михаэль) Мильнер* (1886–1953) – композитор, дирижер. В 1907–1915 гг. занимался в Петербургской консерватории по классу фортепиано у А. М. Миклашевского и М. Н. Бариновой, по классу композиции – у А. К. Лядова, И. И. Витоля, В. П. Калафати и других. Был одним из ведущих мастеров еврейской музыки, руководил Еврейским вокальным ансамблем в Ленинграде, был активным деятелем Общества еврейской народной музыки. Автор множества сольных и хоровых вокальных сочинений, камерных и камерно-вокальных сочинений и циклов, музыки к драматическим спектаклям еврейских театров, нескольких опер, симфонических произведений и др. Возможно, интерес Мильнера к «негритянским революционным песням» был связан с постановлением 1948 г. и новой волной борьбы с космополитизмом в музыке. Возможно также, что за этой формулировкой С. Д. Магид могла скрывать интерес композитора к записям еврейского фольклора.

2

ПРОТОКОЛ
233-го научного заседания Сектора фольклора
Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР
от 13 марта 1950 г.
ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЬИ С. Д. МАГИД
для III т. «Русский фольклор»
«РУССКОЕ НАРОДНОЕ ПЕСЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО
В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ»

Присутствуют: В. П. Адрианова-Перетц, А. М. Астахова, В. П. Городецкий, А. Н. Лозанова, П. Г. Ширяева, В. А. Кравчинская, М. Я. Парижская, Г. Г. Шаповалова, А. П. Разумова, Ф. В. Плесовский, Л. В. Домановский.

Открывая заседание, В. П. Адрианова-Перетц говорит, что после обсуждения первого варианта статьи С. Д. Магид, состоявшегося 7 января с<его> г<ода>, автору было предложено радикально переработать статью, и сегодня надо обсудить[114], удовлетворяет ли своему назначению 2-й вариант.

А. М. АСТАХОВА отмечает, что С. Д. Магид значительно улучшила статью, некоторые части написала заново, улучшен раздел о композиторах, очень интересен раздел о колхозной самодеятельности. Даже в этом виде статья имеет ряд положительных сторон. Но при всех улучшениях основной недостаток остался: отсутствуют музыкальные характеристики, они подменены словесными. Вводная часть написана правильно, но музыкальные особенности революционных песен[115] не раскрыты. 2-й раздел определенно неудачен, нет акцента на музыкальное звучание фольклора. Тот же недостаток отличает раздел песен гражданской войны – указываются тексты, но не раскрыто, какое звучание приобрели эти напевы, отсюда ряд совпадений со статьей А. Н. Лозановой. Несколько лучше даны песни восстановительного и реконструктивного периодов, но и здесь музыкальные характеристики не доведены до конца и переходят на тексты. В разделе о творчестве композиторов привлечен очень богатый материал, но эта часть отличается некоторой громоздкостью и требует сокращений и редактуры целого ряда мест. Колхозная самодеятельность (19 страниц)

[114] Сохраняется пунктуация оригинала.
[115] В тексте ошибочно – «имен».

дана очень сжато и четко. Очень неудачен раздел песен о Великой Отечественной войне, здесь все скомкано и сведено к простому перечислению песен, притом неполному. В этом разделе имеются интересные наблюдения о вальсообразных напевах, аритмических перебоях с наигрышами (последнее уже было замечено ранее Либединским[116]). Что касается частушки, то переинтонирование ее осталось не раскрытым. Заключительная часть о песне послевоенного периода указывает на общественное движение за развитие советской массовой песни и в основном удовлетворительна. Переходя к выводу, А. М. Астахова считает, что неправильным было бы совсем отказаться от этой статьи для III тома, учитывая в особенности, что это первый опыт пробега через советский песенный период, а также и то, что затрачены на эту статью время и государственные средства. Статью нельзя передать на простую редактуру, ее надо дать композитору, так как в ней нет именно[117] того, что требуется знать музыковеду. В связи с этим А. М. вносит практическое предложение: заканчивать III том, не ожидая исправления статьи С. Д. Магид и отдать том на рецензию без этой статьи; предложить С. Д. Магид доработать статью с привлечением второго автора. Хотя это и потребует дополнительной затраты средств от Института, но будет более целесообразно, чем ставить крест на статью.

В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ обращается с вопросом к А. М. Астаховой, кого она имеет в виду как соавтора и называет т. Жемчужину, но эта кандидатура вызывает общие возражения.

П. Г. ШИРЯЕВА спрашивает А. М. Астахову, можно ли дать музыковедческую статью не в историческом плане, а показать только период расцвета песенного народного творчества.

А. М. АСТАХОВА отвечает, что статья может быть написана без исторического анализа движения песни и характеризовать только период расцвета.

ПРЕНИЯ

Г. Г. ШАПОВАЛОВА возражает против статьи С. Д. Магид[118], написанной вне исторического плана, который является обязательным для всех

[116] Одна из форм написания фамилии известного музыковеда Льва Николаевича Лебединского – музыковеда, фольклориста, руководителя и главного идеолога РАПМ, автора работ по массовой советской музыке и революционной песне.

[117] Слово вставлено сверху синими чернилами.

[118] Вставлено рукой Кравчинской фиолетовыми чернилами.

статей, входящих в III том, и высказывает свои впечатления о статье. Аполитичность ее бросается в глаза с первых же строк и идет на протяжении всей статьи: те вклейки-цитаты, которые внесены во 2-й вариант, не исправляют положения. Получается единый поток, в котором исчезают различия между историческими явлениями и их песенными отражениями: Кавказские войны и гражданская война показаны на одном уровне[119]. Трудно себе представить, что эта статья написана старшим научным сотрудником-музыковедом, долгие годы изучавшим этот вопрос. Налицо несерьезное и нечестное отношение к своей работе и неуважение к своему будущему читателю. Ведь статья предназначается для студентов ВУЗов и научных работников. Анализа творчества советских композиторов статья не дает, заменяя его биографиями. Вся статья в целом является компиляцией из словесных статей тома. С. Д. Магид нужно возвратить эту работу, пусть выполнит указания, которые ей были сделаны во время обсуждения первого варианта и вторичного обсуждения. В исправленном виде статья будет интересная и нужная.

А. М. АСТАХОВА обращается с вопросом к Г. Г. Шаповаловой: Значит, Вы считаете, что в статье есть ядро?

Г. Г. ШАПОВАЛОВА. План хорош, а статью нужно переработать по-настоящему, по плану, а то все тонет в словесном «буме». И переделать не с запозданием.

А. Н. ЛОЗАНОВА. Каждая статья должна иметь определенную линию, тезисы, общие для всего тома[120]. Этих тезисов в статье С. Д. Магид нет. Это журнальная статья, которая может быть использована после переработки для сборника «Советский фольклор», но не для серьезнейшего пособия для ВУЗов. Статья не опирается на музыкальные материалы. С. Д. Магид и не пытается их найти, ограничиваясь указаниями, на какой мотив используется та или иная песня, что совершенно недостаточно. В народном звучании эти мотивы переинтонируются, что и следовало автору раскрыть. Может ли С. Д. Магид заполнить это «зияние»? Даже если мы дадим ей год срока на такую работу, как музыкальный анализ советских песен от Октября до расцвета колхозной самодеятельности и то вряд ли она справится с такой задачей. (В отсутствии

[119] В машинопись рукой В. А. Кравчинской внесена существенная правка. Изначальный вариант: «Получается единый поток, в который вливаются Кавказские войны и Октябрьская революция».

[120] Фраза вставлена фиолетовыми чернилами рукой Кравчинской.

материалов, – указывает А. Н. Лозанова, – вина Е. В. Гиппиуса, который счистил записи песен гражданской войны и революционных рабочих песен на валиках экспедиций <19>31–<19>32 года[121].) Не имея материалов, С. Д. Магид должна была сослаться на этот момент. В работе есть интересные положения, которые можно было бы развить, оговорив, что они не раскрываются на музыкальных записях.

А. Н. Лозанова отмечает, что хорошо написана глава о колхозной самодеятельности. Главный недостаток статьи, что целиком зачеркнуто народное творчество и все сосредоточено на массовых песнях советских композиторов. Куда же девалась русская народная песня? Каков же практический вывод? В целом статья не может пойти, переделать ее, даже при соавторстве, С. Д. Магид не сможет. Единственный выход – использовать отдельные правильные части статьи, разбив их по периодам и дать как заключительные музыкальные разделы к статьям словесников в III томе, оговорив везде авторство С. Д. Магид.

Против предложения А. Н. Лозановой о разбитии статьи С. Д. Магид по главам III тома раздаются общие возражения.

М. Я. ПАРИЖСКАЯ. Статья С. Д. Магид не имеет необходимого вступления, которое раскрыло бы основные признаки советских песен: их мажорность, призывность, оптимистическую направленность. Даже песни, посвященные тяжелым событиям – смерти В. И. Ленина, смертельным боям в период гражданской и Великой Отечественной войны – построены на мажорных интонациях, ибо советский народ уверенно идет вперед, полный сознания своей правоты и непобедимости. Кроме того, вступление должно отразить политику партии и правительства в отношении развития советской песни. Нельзя говорить о стихийности в этом процессе. В отличие от развития старой русской песни советская песня развивается планомерно и целенаправленно. Не имеет работа и заключения. В нем следовало бы подвести итоги изложения, показать основные линии развития советской песни, привести примеры использования крестьянского

[121] Как хорошо известно, Евгений Владимирович Гиппиус (1903–1985) – этномузыковед, основатель отечественной школы этномузыковедения, был заведующим Фонограммархивом Института литературы Академии наук СССР вплоть до своего отъезда в 1944 г. в Москву. В середине 1930-х гг. в Фонограммархиве практиковали зачистку валиков с записями технически низкого качества и повторное использование их для записи.

фольклора (Захаров[122]), городского (Соловьев-Седой[123]) и т. д. Статья построена в историческом плане, но целостного впечатления нет. Следовало бы выделить ведущие линии в советских песнях и провести их сквозь все периоды, анализируя, например[124], молодежные песни, начиная с «Паровоза» и кончая «Гимном демократической молодежи». Основные мелодические положения в них идут сквозь десятилетия. То же касается и песен о Красной Армии. В статье говорится об особенностях советских песен об армии, но только в 4-м разделе. Следует показать на материале всех периодов, что лишь единение армии и народа помогло создать песни, ставшие всеобщим достоянием. Хотелось бы увидеть и линию лирических песен – где личные мотивы[125] переплетены с общественными.

Очень слаб раздел, посвященный Великой Отеч<ественной> войне. В главе упоминаются малоизвестные песни (напр<имер> Леви) и ничего не говорится о песнях, звучащих по сей день. Не показаны этапы развития песни Вел<икой> Отеч<ественной> войны, а это легко сделать: 1 период – июнь – июль 1941 г. Выходили спец<иальные> сборники под ред. В. И. Лебедева-Кумача и Р. Глиэра – использование мелодий старых народных песен для новых текстов. Изменилась ли тональность от этого? 2 – появление новых песен, начиная со «Священной войны» А. В. Александрова[126]. Здесь уже заложены мелодические основы торжественных, победных песен 1945 г. Следует показать движение этих интонаций. Никак не показаны песни послевоенных лет. Следовало бы использовать хотя бы

---

[122] *Владимир Григорьевич Захаров* (1901–1956) – композитор, хоровой дирижер, музыкальный деятель, народный артист СССР (1944), лауреат трех Сталинских премий (1942, 1946, 1952). С 1931 г. сотрудничал с Государственным академическим русским народным хором имени М. Е. Пятницкого, затем стал музыкальным руководителем, писал для хора. Ему принадлежат многочисленные хоровые обработки народных песен.

[123] *Василий Павлович Соловьев-Седой* (1907–1979) – советский композитор, пианист и общественный деятель, автор свыше 400 песен.

[124] Слово вставлено фиолетовыми чернилами.

[125] Вставлено фиолетовыми чернилами вместо вычеркнутого «чувства».

[126] *Александр Васильевич Александров* (1884–1946) – русский хоровой дирижер, композитор, педагог. В 1897–1900 гг. учился в регентском классе Придворной певческой капеллы, получил звание регента. В 1913 г. окончил Московскую консерваторию по классу композиции С. Н. Василенко, а в 1916 г. – по классу вокала У. А. Мазетти. В 1918–1922 гг. регент храма Христа Спасителя в Москве. С 1918 г. преподаватель Московской консерватории (хоровой класс, дирижерское мастерство, музыкально-теоретические дисциплины), в 1922–1946 гг. профессор. В 1922–1928 гг. хормейстер Московского камерного театра, в 1927–1929 гг. дирижер Государственной академической капеллы, в 1928–1946 гг. руководитель Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской армии. Генерал-майор (1943). Автор песни «Священная война» (1941), музыки государственного гимна Советского Союза (1943), обработок народных песен.

статью Л. Данилевич в «Сов<етской> музыке» 1947 № 3 на эту тему[127]. Кстати, автор сам наметил путь, по которому следовало бы идти в изучении песен Вел<икой> Отеч<ественной> войны – сравнение с песенным репертуаром гражд<анской> войны. Не раскрыты песни, посвященные И. В. Сталину. Даже[128] не все песни, говорящие о В. И. Ленине, упомянуты, в то время как о композиторах «Проколл'а[129]» говорится очень много с последней фразой: «в устную традицию не вошли». Надо ведь показать линию развития сов<етской> песни, а охарактеризованы боковые, отмершие ветви. В статье встречается много повторений, напр<имер> о песне «По долинам и по взгорьям» (хотя вся ее история и не показана), о деятельности Дм<итрия> Покрасса[130] и т. д. Много недописок, отсутствие ссылок (стр. 9, стр. 27, стр. 29, стр. 31 и др<угие>). Подчас в сносках дается то, что должно было бы лечь в основу статьи: разбор мелодии в связи с изменением текста (стр. 21, стр. 64). Нотное приложение (стр. 33) о «Проводах» Д. Бедного следует раскрыть словесно. На стр. 97 говорится об использовании народной песни для развития монархических идей – надо ли это? Выводы имеются лишь у 3 и 4 главы. Надо или их снять, или дать ко всем главам. Неверно политически стр. 103: «Едва лишь успели сгладиться первые потрясающие впечатления от неожиданного вероломного нападения на СССР, как на их место встала твердая и непоколебимая уверенность в конечной победе над врагом» – советские люди всегда были уверены в своей победе. Стр. 101 слова «Наше дело правое и т. д.»

---

[127] Имеется в виду статья: *Данилевич Л.* Массовая песня в послевоенный период // Советская музыка. 1947. № 3. С. 3–11.

[128] Слово вставлено фиолетовыми чернилами.

[129] Проколл – Производственный коллектив студентов научно-композиторского факультета Московской консерватории – творческий союз был организован в 1925 г. группой молодых композиторов по инициативе А. А. Давиденко и ставил целью создание новых форм пролетарской музыки. В основном работали в области песенных и хоровых жанров, а также над созданием коллективной оперы. В состав объединения входили: В. А. Белый, И. И. Дзержинский, Д. Б. Кабалевский, М. В. Коваль, З. Л. Компанеец, З. А. Левина, С. Н. Ряузов, Б. С. Шехтер, А. И. Хачатурян, Н. К. Чемберджи.

[130] *Дмитрий Яковлевич Покрасс* (1899, Киев – 1978, Москва). В 1914–1917 гг. обучался в Петроградской консерватории по классу фортепиано. В 1919–1921 гг. служил в Первой конной армии. В 1923–1926 гг. – главный дирижер и заведующий музыкальной частью московских театров «Палас» и «Эрмитаж». В 1926–1936 гг. – главный дирижер и заведующий музыкальной частью Московского мюзик-холла. В 1936–1972 гг. – художественный руководитель эстрадного оркестра Центрального дома культуры железнодорожников. Автор около 300 песен, музыки к фильмам, музыки к драматическим спектаклям. С 1932 по 1954 г. работал в соавторстве с братом Даниилом Покрассом.

принадлежат В. М. Молотову[131]. Стр. 85 – ВДНТ, а не ЦДНТ[132]. Цитата на стр. 43 из работы Нестьева[133] нехороша, ее можно было бы безболезненно снять. Стр. 95 непонятна фраза – «натуральная система тонов». Стр. 67–68 цитаты о 3-х особенностях Кр<асной>Ар<мии> в данном контексте[134] не нужны; стр. 105 – не к месту приведена[135] цитата из речи товарища Сталина о развертывании партизанской борьбы в тылу врага.

Противоречие у автора: сначала говорится, что песни «Вася-Василек» и «Самовары-Самопалы» написаны до войны, а в конце – что в 1946 г. за эти песни была присуждена Сталинская премия (т. е. что они были созданы в 1945 г.!).

Стр. 119 – неверное и ненужное положение о творчестве И. О. Дунаевского[136] (если автор присоединяется к мнению Л. Данилевич по этому поводу[137], то так и надо писать). Следует расширить последний раздел – о бытовании советских песен за рубежом.

Говоря о «действенности» наших песен следует использовать материал из последнего романа В. Полевого «Золото»[138] (II часть), где показано,

---

[131] Фрагмент заключительной фразы из обращения к советскому народу «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!». Обращение было зачитано заместителем Председателя Совета народных комиссаров СССР В. М. Молотовым 22 июня 1941 г. в 12 часов дня.

[132] Всесоюзный Дом народного творчества, а не Центральный Дом народного <творчества>. — *Примеч. В. А. Кравчинской*. Вставлено фиолетовыми чернилами.

[133] Вероятно, имеется в виду работа: *Нестьев И. В.* Советская массовая песня. М., 1946.

[134] Фраза вставлена фиолетовыми чернилами.

[135] Фраза после тире вставлена фиолетовыми чернилами вместо вычеркнутого слова «зачем».

[136] *Исаак Осипович Дунаевский* (1900–1955) – советский композитор и дирижер. С 1924 г. являлся музыкальным руководителем театра «Эрмитаж», с 1926 г. — руководителем музыкальной части Театра сатиры и Московского театра оперетты. В 1929—1934 гг. был музыкальным руководителем и главным дирижером Ленинградского мюзик-холла, в 1937–1941 гг. возглавлял Союз композиторов Ленинграда, с 1943 г. работал в Москве. Творческое наследие композитора составили: 12 оперетт и четыре балета, музыка к кинофильмам и множество популярных песен. В 1930-е гг. начал сотрудничать с Леонидом Утёсовым. Написал программу «Джаз на повороте», состоявшую из рапсодий-фантазий на темы народных песен.

[137] В упомянутой работе Л. Данилевич, говоря об использовании в советском творчестве джазовой музыки, довольно лестно отзывается об опыте композитора: «И. Дунаевский в лучших своих песнях сумел взять от джаза ценное качество: энергию ритма» (*Данилевич Л.* Массовая песня в послевоенный период. С. 10).

[138] Советский писатель *Борис Николаевич Полевой* (1908–1981) во время Великой Отечественной войны служил военным корреспондентом. Именно тогда и родились идеи его литературных произведений военной тематики, в том числе романа «Золото». Роман

как советские песни помогли бойцам во время Великой Отеч<ественной> войны.

В. А. КРАВЧИНСКАЯ. С. Д. Магид поставила перед собой задачу охарактеризовать русское народное песенное творчество по этапам развития советского государства, но с этой задачей не справилась. Основной порок статьи заключается в том, что музыкальная характеристика материалов подменяется рассмотрением текстов и формулировками, не раскрывающими звучание песни. При этом упор делается на песенное творчество советских композиторов, а русская народная песня остается в тени. Характеристика творчества советских композиторов в целом дана в тоне поверхностной рецензии. Таковы общие высказывания об «интересе композиторов к русскому крестьянскому фольклору» (стр. 50), о «традиции использования, наряду с сопровождающей музыкой иллюстративного плана, отрывков из старых песен... усиливающих эмоциональную направленность» (стр. 52), о «линии полных динамики молодежных радостных песен...» (там же). Все эти и многие другие подобные им суждения не подкреплены анализом музыкальных песенных тем и остаются сугубо декларативными.

Оценки отдельных массовых песен даются в плане личного эстетического восприятия их автором, например: «...Блантер пишет свою грубовато-эстрадную песню “Молодость” с припевом “Потому что у нас каждый молод сейчас в нашей юной, прекрасной стране”»[139] (стр. 56). Совершенно очевидно, что эта песня, получившая массовое распространение, не заслуживает столь отрицательного отзыва. Нельзя согласиться и с мнением автора, что «в “Каховке” Дунаевскому удалось несколько переосмыслить! интонации старого городского фольклора, что они были восприняты народом как современно-массовые» (стр. 58). Музыкальная характеристика песни «От края и до края» (стр. 60) ограничивается указанием, что эта песня «представляет собою драматургическую кульминацию оперного действия – момент перерождения Григория Мелехова»[140] и т<ак>д<алее>.

в четырех частях был написан в 1945–1950 гг. Первая публикация: Знамя. 1949. № 11–12; 1950. № 1–2.

[139] *Матвей Исаакович Блантер* (1903–1990) – советский композитор, автор более 200 песен, многие из которых получили большую популярность (среди них песня «Молодость», написанная в 1937 г. на слова Ю. Данцигера и Д. Долева), сюиты для голоса с оркестром, оперетт, музыки к спектаклям, кинофильмам, радиопостановкам.

[140] Речь идет об опере И. И. Дзержинского «Тихий Дон» в 4 действиях по мотивам первой и второй книг романа М. А. Шолохова (1935, либретто Л. Дзержинского). Оперу

Говоря о песне «Если завтра война»[141], автор снова подменяет анализ музыкального содержания общей фразой о том, что «в ее мелодии зазвучали суровые, торжественные интонации старой боевой революционной песни, символизируя тем, что наша армия “является армией мировой революции...”» (стр. 90). Интонации старой революционной песни не сопоставлены фактически, путем музыкальных примеров, с анализируемой песней.

Перечень песен о героях гражданской войны и мирного строительства (там же) ни малейшим образом не раскрыт общим утверждением о «лирической окраске героических образов, которая проходит красной нитью...» и т<ак> д<алее>.

Такими же общими, не основанными на музыкальном анализе, остаются и суждения о советской частушке (стр. 96). Совершенно не раскрыты в музыкальном отношении и песни о Великой Отечественной войне.

Правильные характеристики отдельных массовых советских песен на основе музыкальных примеров даны на стр. 81 и 98–99, но эти положительные моменты не могут повлиять на общую оценку статьи как не отвечающей своему назначению.

П. Г. ШИРЯЕВА. Что сделать со статьей, которая не может быть приемлема? Распределить ее по главам словесников невозможно – это ясно для каждого из нас и потребовало бы огромной дополнительной работы над томом в целом. Можно было бы перестроить статью, начав ее с раздела о социалистическом строительстве, но С. Д. Магид сама с этим не справится, нужно пригласить либо Либединского, либо Нестьева, так как ленинградских авторов на эту тему нет. О Ф. А. Рубцове говорить не приходится, он не принимал никакого участия в работе Магид над статьею, хотя обязан был это делать, как заведующий Фонограммархивом. Он даже не потрудился прочитать статью и не явился сегодня на ее обсуждение, передав, что он занят чтением лекции в Консерватории. Такое отношение к своему участку работы является нечестным и непартийным (просит занести в протокол). Совершенно непонятным является, почему так плохо написан раздел о песнях Великой Отечественной войны, учитывая, что на эту тему С. Д. Магид делала в 1946 году интересный и содержательный доклад в Институте истории театра и музыки, доклад, построенный на анализе творчества ленинградских композиторов. П. Г. Ширяева

завершает казачья походная песня «От края и до края» (казаки возвращаются с фронтов Первой Мировой войны).

[141] Сл. В. Лебедев-Кумач, муз. Бр. Покрасс (1938).

рекомендует привлечь, если дирекция найдет нужным, к написанию раздела о песнях гражданской войны и революционных рабочих песнях в помощь С. Д. Магид М. С. Друскина, так как сама она с этой работой не справится. Иначе надо совсем отказаться от статьи, которая является браком, хотя и оплаченным деньгами.

Б. П. ГОРОДЕЦКИЙ. Сколько затрачено государственных средств на эту статью?

А. М. АСТАХОВА. Темы по III тому были распределены 15 мая, статью С. Д. Магид должна была представить 15 ноября, но в срок не сдала, так как в течение 48 дней была больна и имела бюллетень. Псковский сборник должен был быть представлен в декабре 1949 года, но отодвинут также по болезни С. Д. Магид. Работа над статьей и над сборником передвинулась на <19>50 год, но С. Д. Магид снова заболела.

Б. П. ГОРОДЕЦКИЙ. Постановление Президиума АН СССР от 29 декабря предписывает определенные меры по отношению к лицам, не выполняющим плана. В связи с этим Сектор фольклора должен ответить дирекции на вопросы: 1) Признает ли Сектор статью С. Д. Магид написанной и отвечающей научным требованиям? 2) Если нет, то можно ли ее переработать и в каком плане? 3) Может ли III том обойтись без этой статьи? 4) Какое решение следует принять по отношению к С. Д. Магид как к сотруднику Сектора фольклора? 5) Какое решение должно быть принято по отношению к Ф. А. Рубцову, который не только совершенно самоустранился от своих обязанностей как Зав<едующий> Фонограмм-архивом, но, по-видимому, считает, что не несет за это ответственности?

В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ. Общее впечатление таково, что статья не переработана. Кое-что сделано, но если взять работу в целом, то остались неисправленными все дефекты, которые были указаны автору в первом варианте. Весь крен статьи направлен на композиторскую песню, усвоенную народом, то есть в окончательном итоге приводит к выводу о бесплодности[142] самого народного творчества, что ясно противоречит действительности, и что подрывает значение остальных глав тома, утверждающих развитие русского народного песенного творчества в советский период. С. Д. Магид не выполнила указания о том, что на первый план ей следовало выдвинуть композиторов, работающих над

[142] Вместо исправленного «бесполезности».

использованием в своем творчестве народных мелодий, как напр., Захарова[143] и Александрова[144]. Она выдвинула, как и в первом варианте, композиторов, которых сама называет «чуждыми массам». Чтобы добраться до отражения народной песни в творчестве передовых советских композиторов, приходится пересмотреть массу мусора. Более четкую характеристику, чем музыковеды Фонограммархива, дала М. Я. Парижская, нащупавшая в своем выступлении правильную оценку музыкального содержания песен советской эпохи. Резковатое, но правильное определение статьи дала и Г. Г. Шаповалова, справедливо указав, что здесь не видно «старшего научного сотрудника». Указание А. Н. Лозановой на отсутствие музыкальных материалов по песням гражданской войны может быть и не совсем правильно; надо было их поискать. С. Д. Магид просто не справилась со статьей. Непонятно, почему у Магид не было контакта с Рубцовым. Надо признать, что статьи нет, она не сделана, она скорее подходит по направлению к II тому истории русской литературы, чем к Советскому фольклору. Это сырая, рыхлая масса, которая начисто зачеркивает музыкальный фольклор и оказывается для нас не только бесполезной, но и вредной. Статья «не вышла» и использована быть не может.

П. Г. ШИРЯЕВА. Мы утверждаем во всех статьях, что народ творит, а она утверждает, что он только усваивает творчество советских композиторов.

А. М. АСТАХОВА. Все-таки следовало бы, если бы это было возможно, послать статью Либединскому с отношением от Института, что может Либединский сделать из этого материала. С. Д. Магид много работала над этой статьей. Следовало бы принять такое решение, что Сектор считает желательным сделать статью приемлемой для III тома, считая ее основой для переработки. Можно принять раздел о колхозной самодеятельности и предложить С. Д. Магид[145] с каким-либо соавтором переработать остальные части[146].

Б. П. ГОРОДЕЦКИЙ. Из предшествующих высказываний вытекало, что С. Д. Магид сама не может справиться с работой и нужно пригласить соавтора. Между тем мы не имеем права заключать договор на плановую работу. Вместе с тем мы не можем больше ждать этой статьи. III том может

[143] Владимир Григорьевич Захаров.
[144] Александр Васильевич Александров.
[145] Далее вычеркнута фраза: «дописать два листа».
[146] Фраза вставлена Кравчинской вместо вычеркнутого.

выйти без нее. Нужно ответить на вопрос, выполнила ли С. Д. Магид план 1949 года, иными словами, являлась ли ее статья решающей для выполнения ее плана на 1949 год.

А. М. АСТАХОВА. Конечно, эта статья решала вопрос о выполнении плана.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ:

1) Сектор фольклора считает статью С. Д. МАГИД «Русское народное песенное творчество» неприемлемой для III тома «Русский фольклор».
2) План С. Д. Магид за 1949 год является невыполненным.
3) Предложить С. Д. Магид дописать 2 печатных листа к следуемым по плану 3 листам и внести все необходимые исправления в «Псковский сборник».

Источник: ФА ИРЛИ. РФ, р. I. п. Документы по Фонограммархиву. 7 л. Авторизованная машинопись, 2-й экз.

3

[Резолюция Н. Ф. Бельчикова[147]:]
В приказ с 1/III<19>50 Н. Б.[148]
6/III<19>50 г.

[рукой Ф. А. Рубцова:]

Директору Института русской литературы
Академии наук СССР

Заслуженному деятелю науки
Профессору Н. Ф. Бельчикову

В связи с ухудшением состояния моего здоровья прошу Вас с первого марта с<его> г<ода> освободить меня от обязанностей заведующего фонограммархивом.

---

[147] *Николай Федорович Бельчиков* (1890—1979); в ИРЛИ с 15.09.1930 по 1937; с 12.08.1946 по 01.10.1946; с 08.03.1949 по 21.04.1955. В ИРЛИ с 1930 по 1937 г. – старший научный специалист и секретарь Пушкинской комиссии в Москве; секретарь редакции сочинений Г. И. Успенского, в 1946 г. – старший научный сотрудник; с 1949 по 1955 г. – директор Ин-та, чл. учен. совета ИРЛИ (с 1951 г.), чл.-корр. АН СССР (с 1953 г.). (Пушкинский Дом: Материалы к истории. С. 4040).

[148] Н. Ф. Бельчиков.

Начатая мною согласно индивидуального плана статья для «Русского Фольклора»[149] будет мною закончена и представлена в Институт в мае месяце с<его> г<ода>.

Так как своим объемом статья превысит норму листов, полагающуюся мне на два месяца, проработанных мною в этом году за зарплату, прошу после одобрения статьи сделать соответствующий перерасчет, доплатив мне разницу по нормам полистной оплаты.

В связи с тем что в процессе работы над статьей мне необходимо пользоваться материалами Фонограммархива, прошу Вас на этот период времени сохранить за мной право доступа к материалам архива без особых разовых разрешений.

1 марта 1950 г. Ф. Рубцов

Источник: СПбФ АРАН, ф. 150, оп. 2, д. 749, л. 22. Автограф Ф. А. Рубцова.

4

[Резолюция Н. Ф. Бельчикова]
В дело
Н. Б.

[рукой Ф. А. Рубцова:]

Многоуважаемый Николай Федорович!

К моему великому удивлению, 14-го марта мне позвонил по телефону Димитрий Семенович[150] с резкой претензией по поводу того, что я не являюсь в Институт на работу, что приказ о моем освобождении

[149] Согласно индивидуальному плану научно-исследовательской работы, в 1950 г. Ф. А. Рубцов должен был подготовить два музыковедческих очерка к I–II томам монографии «Русский фольклор»: «Обрядовая песня», объемом 2 п. л. (первоначальный вариант должен быть представлен к 1 мая 1950 г.) и «Былины и исторические песни», объемом 2 п. л. (первоначальный вариант должен быть представлен к 1 июля 1950 г.). Кроме того, Ф. А. Рубцов должен был подготовить к 1 октября музыкальные расшифровки в объеме 2 п. л. (см.: Отдел фольклора ИРЛИ. «Документы по фонограммархиву»).

[150] *Дмитрий Семенович Бабкин* (1900–1989); в ИРЛИ с 13.10.1938 по 01.06.1941; с 12.1945 по 01.06.1965. С 1948 по 1953 г. – ученый секретарь ИРЛИ. В дальнейшем, с 1951 по 1959 г. – старший научный сотрудник Сектора новой русской литературы, с 1959 по 1965 г. – заведующий Литературным музеем (Пушкинский Дом: Материалы к истории. С. 400).

не опубликован и, следовательно, не вошел в силу и т<ак> д<алее>. Словом я понял, что меня рассматривают кем-то вроде прогульщика. Но почему? Ведь я прекрасно помню нашу договоренность с Вами договоренность, происходившую действительно «по хорошему». Я сам видел свое заявление с Вашей резолюцией у секретаря! Почему же после такого хорошего разговора с Вами все пошло каким-то странным путем. Честно говоря, я даже не знаю, что думать и что предполагать. Это либо какое-то глубокое недоразумение, либо проявление чьей-то злой воли, что мне крайне болезненно и неприятно.

Сейчас мое пребывание в Институте лишь запутает расчеты, а для передачи дел оно не нужно. Коллекции проверены и подготовлены к передаче. Если бы не болезнь Клочкова, можно было бы уже составить и подписать акт[151]. От обсуждения своей работы и даже всех работ, о чем упомянул Димитрий Семенович, я не уклоняюсь, да и не мог бы уклониться. Если нужно пересмотреть мою деятельность в Институте и освободить меня с какой-либо иной формулировкой, то и эта возможность остается за Институтом, т<ак> к<ак> там моя трудовая книжка.

Не выдавайте ее мне до обсуждения, если таковое нужно.

Измените потом формулировку приказа, если будет доказано, что я этого заслуживаю, но, убедительно и опять же «по хорошему» прошу Вас, не числите меня работником Института с 1-го марта, как мы и договорились с Вами.

Я хотел переговорить с Вами лично, но не застал Вас и позволяю себе обратиться к Вам с письмом, т<ак> к<ак> буду в Институте лишь в субботу, для того чтобы передать в Отдел второй экземпляр своей работы.

Простите мне то, что обращаюсь к Вам с письмом, и поверьте в его полную честность и искренность.

16 марта 1950 г.

С глубоким уважением к Вам
Ф. Рубцов

Источник: СПбФ АРАН, ф. 150, оп. 2, д. 749, л. 18–18 об. Автограф Ф. А. Рубцова.

[151] Имеется в виду акт о передаче дел: СПбФ АРАН, ф. 150, оп. 2, д. 749, л. 19–21 об.

5

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА № 32
По Институту русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР

г. Ленинград. 13 апреля 1950 г.

§ 1

Отчислить из штата Института младшего научного сотрудника, исполнявшего обязанности Зав<едующего> Фонограммархивом РУБЦОВА Феодосия Антоновича с 13 апреля 1950 г., как не выполнившего работы по плану 1949 года на нужном теоретическом уровне.

ОСНОВАНИЕ: Протокол научного заседания Сектора фольклора от 12 апреля 1950 г.[152]

пп. Директор Института

Доктор филологических наук Н. Ф. Бельчиков[153].

Верно: [подпись]

Источник: СПбФ АРАН, ф. 150, оп. 2, д. 749, л. 23. Машинопись.

6

Отчет за I квартал 1950 г.

ст<аршего> научно-техн<ического> сотрудн<ика>
А. Г. Кудышкиной, отдела Фольклора ИРЛИ А.Н. СССР.

1. Наблюдение за состоянием коллекций Фон<ограмм>архива – 470 вал<иков>.
2. Проверка фоноваликов – 6 401 вал<иков>.

[152] Ср. с выпиской из подобного приказа № 35 об увольнении С. Д. Магид как «не выполнившей план 1949 г. и представившей работы, выполнявшиеся в 1949 г. на низком теоретическом уровне», от 13 апреля 1950 г. за подписью директора Института Н. Ф. Бельчикова на основании протокола научного заседания сектора фольклора в переизложении Н. Д. Светозаровой без ссылки на источник (*Светозарова Н. Д.* Иноэтнические коллекции в Институте русской литературы. С. 504).

[153] Подпись Н. Ф. Бельчикова отсутствует.

3. Инвентаризация всех коллекций Фон<ограмм>архива (основные коллекции, рабочие, временного хранения) – 6 401 вал<иков> + 412 пластинок.

4. Инвентаризация рукописного и нотного материала – 3 226.

5. Запись песен Архангельск<ой> области – 16 песен.

6. Подготовка к экспедиции в Вологодскую обл<асть> (проработка необходимого материала, просмотр сборников, подбор фоно-валиков и т. д.).

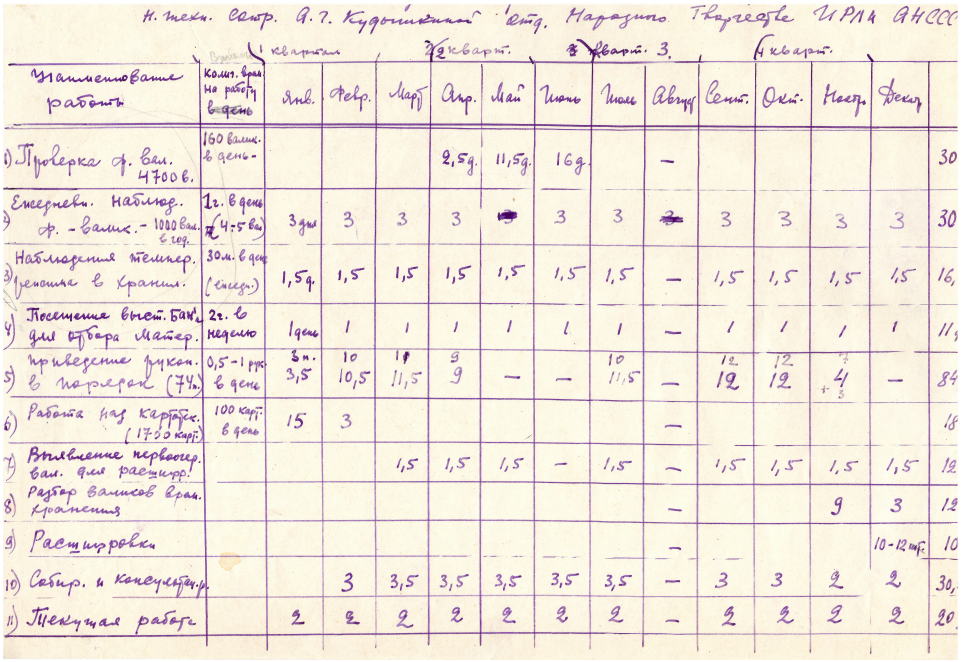
7. Открытие картотеки нар<одных> песен украинск<их> – 350 N.

8. Техническая помощь по гальванизации (отбор фоно-валиков различной степени состояния и звучания валика, прослушивание его в различн<ые> моменты процесса).

9. Разбор нотной литерат<уры> по жанрам и по авторам (1 слово нрзб.).

10. Текущая работа: посещение выставки БАНа (еженед<ельная>), консультац<ионная> работа с посетителями – подбор материала, демонстрация его на фонографе, ознакомление с фонографом, контроль за правильностью пользования материалом (фоно-валиками и т. д.).

27/ III–<19>50 г. А. Г. Кудышкина

Планируемые работы	Колич. врем. на работу в день	янв.	февр.	март	апр.	май	июнь	июль	авг.	сент.	окт.	нояб.	дек.	
1) Проверка ф. вал. 4700 в.	160 валик. в день				2,5 д.	11,5 д.	16 д.		—					30
2) Ежедневн. наблюд. ф. – валик. – 1000 вал. в год.	1 г. в день (4-5 в.)	3 дня	3	3	3		3	3		3	3	3	3	30
3) Наблюдения темпер. условия в хранил.	30 м. в день (еженед.)	1,5 д.	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	—	1,5	1,5	1,5	1,5	16,
4) Посещение выст. БАН'а для отбора матер.	2 г. в неделю	1 день	1	1	1	1	1	1	—	1	1	1	1	11,
5) Приведение рукоп. в порядок (74 ч.)	0,5 – 1 руко. в день	8 м. 3,5	10 10,5	10 11,5	9 9	—	—	10 11,5	—	12 12	12 12	4 + 4 8	—	84
6) Работа над картотек. (1750 карт.)	100 карт. в день	15	3						—					18
7) Вписывание первонач. вал. фил. расшир.				1,5	1,5	1,5	—	1,5	—	1,5	1,5	1,5	1,5	12
8) Разбор валиков хран. хранения									—			9	3	12
9) Расшировки									—				10-12 тр.	10
10) Собир. и конечн. обр.			3	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5	—	3	3	2	2	30,
11) Текущая работа		2	2	2	2	2	2	2	—	2	2	2	2	20

Рис. 1. План-карточка научно-технического сотрудника Фонограммархива А. Г. Кудышкиной (ФА ИРЛИ. РФ, р. I, п. Документы по Фонограммархиву)

7

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ ПО ПРОВЕРКЕ РАБОТЫ ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКОГО ДОМА) АКАДЕМИИ НАУК СССР ЗА 1950 ГОД ОТ 27 и 28 ДЕКАБРЯ 1950 г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: Члены комиссии: В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ (председатель), Б. П. ГОРОДЕЦКИЙ, В. В. ТИМОФЕЕВА[154], А. Д. СОЙМОНОВ[155], Н. Ф. БЕЛЬЧИКОВ, Д. С. БАБКИН

Заведующие и сотрудники отделов Института

I. СЛУШАЛИ: О РАБОТЕ ФОНОГРАММАРХИВА за 1950 год.

1. Отчет о работе Фонограммархива за 1950 год.

   Докл<адчики> Н. И. Клочков и <А. Г.> Кудышкина.

2. Заключение комиссии по обследованию работы Фонограммархива – Сообщение М. Я. Парижской и С. В. Адикаевского[156].

---

[154] *Вера Васильевна Тимофеева* (1915–2003); в ИРЛИ с 01.06.1950 по 30.06.1986; с 01.07.1986 по 29.03.1991 – сотрудник-консультант. В январе 1947 г. поступила в аспирантуру Академии обществ. наук при ЦК ВКП (б) (Москва), которую окончила в 1950 г. и защитила кандидатскую диссертацию «Большевистская партийность и основа эстетики Маяковского». В ИРЛИ принята ст. науч. сотр. в Сектор советской литературы. Была зав. аспирантурой, чл. ученого совета Института (Пушкинский Дом: Материалы к истории. С. 530).

[155] *Алексей Дмитриевич Соймонов* (1912–1995); в ИРЛИ с 05.1949 по 28.01.1978. В 1939–1940 гг. занимал должность зав. отд. фольклора Карельского НИИ культуры. С 1949 г. – науч.-тех. сотр. музея ИРЛИ; с 1 янв. 1950 г. – мл. науч. сотр. ИРЛИ; позже, в 1968–1970 гг. – и. о. зав. Сектором фольклора (Пушкинский Дом: Материалы к истории. С. 524).

[156] *С. В. Адикаевский* – звукоинженер, специалист в области звукозаписи, изобретатель. См.: патенты на изобретение: 1) «Звукоснимательь», № 38405, опубл. 31.08.1934. Авторы: Адикаевский В. В., Адикаевский С. В. (https://viewer.rusneb.ru/ru/000224_000128_0000038405_19340831_A1_SU?page=1&rotate=0&theme=white); 2) «Способ обработки металлических мембран для звукопроизводящих и звукоулавливающих приборов», № 50385, опубл. 31. 01.1937. Авторы: Адикаевский В. В., Адикаевский С. В. (https://patentdb.ru/patent/50385); 3) «Мембрана для звуковой коробки», № 56591, опубл. 10.10.1940. Авторы: Адикаевский В. В., Адикаевский С. В. (https://yandex.ru/patents/doc/SU56591A1_19401010).

ВОПРОСЫ:

1) Б. П. ГОРОДЕЦКИЙ. Сохраняется ли при записи на воск в удовлетворительном состоянии мелодия и текст?

2) И. П. ДМИТРАКОВ[157]. Что необходимо сделать для улучшения работы аппаратуры?

3) В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ. Обсуждал ли сектор народного творчества работу Фонограммархива?

4) А. Д. СОЙМОНОВ. Что предлагает сделать комиссия для сохранения записей на валиках?

ОТВЕТЫ:

1) С. В. АДИКАЕВСКИЙ. Запись на дисках в десятки раз выше по качеству, чем на валиках и для сохранения текста и мелодии.

2) С. В. АДИКАЕВСКИЙ. Для улучшения аппаратуры нужно проверить ее с точки зрения чистоты, произвести замену отдельных деталей, отрегулировать аппаратуру. Но самое целесообразное – перейти на электрооборудование.

3) И. П. ДМИТРАКОВ. На 30-е декабря сектор народного творчества запланировал обсуждение работы Фонограммархива.

4) М. Я. ПАРИЖСКАЯ. Для сохранения записей на валиках необходимы расшифровка и перевод валиков на другие виды записи, согласно заключению консультантов-специалистов.

ПРЕНИЯ:

А. Д. СОЙМОНОВ. В Фонограммархиве хранится 5–6 тысяч валиков, они постепенно гибнут, каждый день их разрушается все больше. Необходимо принять срочные меры к их переписке, копированию. Эта работа должна стать основной и самой срочной на 1951 год.

---

[157] *Иван Прокофьевич Дмитраков* (1912—?), работал в ИРЛИ с 5 мая 1950 г. по 17 мая 1955 г. Был направлен ЦК ВКП(б) в 1950 г. в Пушкинский Дом на должность заведующего отделом фольклора, с 1954 по 1955 г. – ст. науч. сотр. (Пушкинский Дом: Материалы к истории. С. 437). Дмитраков вошел в историю как автор разгромной статьи, направленной против вышедшего в 1946 г. исследования В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки», а также борец с наследием А. Н. Веселовского (*Дмитраков И. П., Кузнецова М. М.* 1) Александр Веселовский и его последователи // Октябрь. 1947. № 12. С. 165—174; 2) Против буржуазных традиций в фольклористике // Советская этнография. 1948. № 2. С. 230).

В. А. КРАВЧИНСКАЯ. Сектор народного творчества всецело присоединяется к выводам комиссии, доложенным т<оварищем> Парижской. Я считаю работу Фонограммархива за 1950 год неудовлетворительной.

А. М. АСТАХОВА. Я считаю, что нельзя всю ответственность возлагать на двух сотрудников архива, эту ответственность должен разделить и сектор. Основной причиной неудовлетворительной работы является отсутствие точного плана работы и точного распределения обязанностей между сотрудниками. Из-за этой бесплановости порою ускользали важные вещи, и внимание растрачивалось на мелочи. Для улучшения работы Фонограммархива необходимо: 1) Точный план работы, с выделением первоочередных важных дел; 2) Увеличение штата сотрудников архива; 3) Поставить специалиста во главе архива.

В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ. Работу Фонограммархива нужно вести прежде всего над своим материалом. Необходимо срочно разобраться с чужими материалами и возвратить их владельцам.

Необходимо впредь планировать работы Фонограммархива со всей точностью. Сегодняшний отчет показал, что планирование было безусловно недостаточным и неточным.

Н. Ф. БЕЛЬЧИКОВ. Фонограммархив является запущенным участком и со стороны сектора, и со стороны дирекции. Следует просить сектор специально заняться Фонограммархивом. Необходимо перевести архив на современное техническое оснащение. Чужие материалы не должны храниться в архиве.

Я предлагаю сектору ввиду очевидности неудовлетворительного состояния работы Фонограммархива, разработать конкретные мероприятия организационно-научного характера и по вопросам технического оснащения Фонограммархива.

И. П. ДМИТРАКОВ. Научные сотрудники Фонограммархива не дали ни одного научного исследования и при создавшемся положении не могли дать. Первоочередная задача состоит также в укомплектовании Фонограммархива научными работниками, могущими вести научно-исследовательскую работу.

ПОСТАНОВИЛИ:

1) Признать работу Фонограммархива за 1950 год неудовлетворительной.

2) Предложить сектору народного творчества разработать план мероприятий по улучшению всей работы Фонограммархива – как организационно-научной, так и работы по техническому переоборудованию.

3) Рекомендовать привлечение консультантов-специалистов для разработки плана перевода Фонограммархива на современное техническое оснащение.

4) Считать необходимым увеличение штата научных сотрудников Фонограммархива, а также специалистов-техников.

5) Обязать заведующего Фонограммархивом Н. И. КЛОЧКОВА строить всю работу на 1951 год по плану, а также произвести точное распределение обязанностей между сотрудниками.

6) Считать одной из первоочередных задач работы Фонограммархива создание копий с записей, сделанных на валиках.

II. СЛУШАЛИ: О РАБОТЕ СЕКТОРА НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА ЗА 1950 год.

– докладчики И. П. ДМИТРАКОВ и А. М. АСТАХОВА.

И. П. ДМИТРАКОВ. Я отмечаю в дополнение к отчету следующие недостатки в работе сектора: 1) Недостаточный научный и идейный уровень трудов сектора; 2) Недооценка трудностей; 3) Имела место организационная неурядица; 4) Недостаточная самокритичность, келейность в работе.

ПРЕНИЯ:

Н. Ф. БЕЛЬЧИКОВ. III том «Русского фольклора» является задолженностью за 1949 г<од> и он не может входить в счет выполнения плана за 1950 год. Авторы на III том были своевременно подобраны, вопрос упирается в низкое качество представленных ими работ.

Считаю необходимым отметить недостаточную критику и самокритику в секторе, и нетерпимое отношение ряда товарищей к критике.

В начале января должны быть сданы в дирекцию индивидуальные планы работ на 1951 год. Они должны быть санкционированы ученым секретарем Института. Планировать нужно по силам, учитывая реальные возможности каждого сотрудника.

К. Д. МУРАТОВА[158]. Местком считает план сектора на 1950 г<од> не выполненным. Но при этом отмечает, что сектору пришлось в 1950 году не перерабатывать, а фактически заново написать III том.

В. В. ТИМОФЕЕВА. После санкционирования изменения сроков[159] работ дирекцией необходимо было ввести коррективы в индивидуальные планы. Вызывает тревогу выполнение плана на 1951 г<од>, так как он возрос из-за передвижек с 1950 года.

А. М. АСТАХОВА. Опасения т<оварища> Тимофеевой основательны. II том очень труден, так как впервые дается исторический план изложения. Но, тем не менее, мы должны напрячь все силы к выполнению плана 1951 года, это должно стать делом нашей чести.

Б. П. ГОРОДЕЦКИЙ. Установка с III томом была не верна в самом начале, так как на 1950 год падала не доработка, а новое написание тома, что должно было отразиться и в индивидуальных планах. Дирекция не разрешала и не могла разрешить передвижку сроков сдачи II тома. В своем решении комиссия должна отметить невыполнение плана 1950 года сектором.

В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ. Положение в секторе на 1950 год получилось очень сложным, так как в мае <19>50 г<ода> стало очевидным, что III том надо делать заново. План сектора в целом за 1950 год не выполнен, но норма листажа сотрудниками выполнена. Сотрудники выполнили планы, выяснившиеся после окончательной рецензии на III том.

Изменить Государственный план нельзя, и I и II тома в течение 1951 года должны быть сданы. Для редактирования томов и написания отдельных глав необходимо рекомендовать привлечение авторов вне Института. План 1951 года может быть выполнен при условии максимального сосредоточия сил сотрудников Сектора, четкого планирования работы и организационной точности. Руководству сектора не следует перегружать младших научных сотрудников, не имеющих степеней.

В. В. ТИМОФЕЕВА. Я предлагаю занести в протокол комиссии неудовлетворительное состояние документации в секторе.

---

[158] *Ксения Дмитриевна Муратова* (1904—1998); в ИРЛИ с 01.07.1940 по 08.08.1941; с 08.03.1948 по 06.08.1993. В марте 1948 г. зачислена мл. науч. сотр. в Отдел новейшей литературы. В декабре 1949 г. присвоено ученое звание ст. науч. сотр., позднее была избрана на должность зав. Сектором библиографии и источниковедения (Пушкинский Дом: Материалы к истории. С. 490).

[159] Фраза исправлена и вписана фиолетовыми чернилами.

Н. Ф. БЕЛЬЧИКОВ. Предлагаю сектору представить в ближайшие дни план конкретных мероприятий по искоренению антигосударственной практики отставания в выполнении планов.

ПОСТАНОВИЛИ:

1) Признать невыполненным план работы сектора народного творчества на 1950 год.

Запланированный на 1950 год II том «Русского фольклора» сектором к печати не подготовлен, так как сектор был занят коренной переработкой III тома «Русского фольклора» (из плана 1949 года).

2) Отметить невыполнение планов научных сотрудников сектора на 1950 год.

Отметить, что всеми научными сотрудниками сектора листаж научных работ в течение 1950 года выполнен, но за счет работы над запланированным на 1949 год III томом «Русского фольклора».

3) Признать необходимым увеличение штата научных сотрудников сектора народного творчества на 1951 год.

<...>

Председатель комиссии: (подпись) / В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ /

Члены комиссии: / Б. П. ГОРОДЕЦКИЙ /

(подпись) / В. В. ТИМОФЕЕВА /

/ А. Д. СОЙМОНОВ /

Секретарь: (подпись) / Г. В. СТЕПАНОВА/[160]

Источник: ФА ИРЛИ, РФ, р. I, п. Документы по Фонограммархиву. 8 л. Авторизованная машинопись, 3-й экз.

[160] *Галина Васильевна Степанова* (1918—1999); в ИРЛИ с 01.07.1949 по 30.07.1986. В ИРЛИ принята мл. науч. сотр., была экскурсоводом и экспозиционером в Литературном музее, составляла научные описания музейных материалов; с 1959 г. работала в Секторе источниковедения и библиографии; затем в Тургеневской группе и в Группе Достоевского (Пушкинский Дом: Материалы к истории. С. 528).

8

ПРОТОКОЛ № 17[161]
рабочего заседания Сектора народного творчества
от 28 декабря 1950 года

Присутствуют: И. П. Дмитраков, А. М. Астахова, В. А. Кравчинская, Г. Г. Шаповалова, Н. И. Клочков, А. Д. Соймонов, В. А. Виноградова, А. Г. Кудышкина, Л. Ф. Израилевич[162].

Повестка дня:

Итоги работы Фонограммархива за 1950 год.

Доклад Н. И. Клочкова.

Председатель И. П. Дмитраков.

Секретарь В. Н. Мерцалов[163].

И. П. Дмитраков предоставляет слово для доклада Н. И. Клочкову и просит докладчика останавливаться на основных вопросах работы Фонограммархива, не повторяя уже доложенных им моментов на отчетном заседании Сектора с дирекцией Института.

Н. И. Клочков[164]. Прежде чем приступить к отчету, я должен сказать, что предупреждал Н. Ф. Бельчикова о том, что я не могу вести научно-исследовательской работы. Н. Ф. Бельчиков сказал, что от меня научно-исследовательской работы и не требуется, а нужно провести инвентаризацию материалов. Это и было выполнено: были проверены валики и все оборудование гальванопластической мастерской. Процесс гальванизации валиков был освоен мной, несмотря на нехватку материалов, освоение варки валиков и изготовление пластин.

---

[161] Начало протокола внесено рукой В. А. Кравчинской.

[162] Личность установить не удалось.

[163] Возможно, *Владимир Николаевич Мерцалов* (1920–?), с 1951 г. работал в Пушкинском заповеднике в должности мл. науч. сотр. (*Васильев А.* Некрополь Ганнибалов – Пушкиных в Святогорском монастыре. Из истории сохранения и благоустройства в конце 1940-х – середине 1960-х годов: По материалам научного архива и музейного собрания Пушкинского заповедника // Краеведение, история и археология Пушкиногорья: Материалы XIII Круглого стола памяти М. Е. Васильева (7 апреля 2023 года): [сб. ст.]. Сельцо Михайловское: Пушкинский заповедник, 2023 С. 20 (Серия «Михайловская пушкиниана»; вып. 97).

[164] Здесь и далее протокол велся рукой секретаря – В. Н. Мерцалова.

Мои предложения: собрать совещание с участием композиторов, специалистов по звукозаписи и по варке валиков, и на этом совещании вынести решение о том, как сохранить записи народных песен. Я считал бы рациональным переводить валики на копии или принять предложение о записи на пластины или, наконец, проводить записи с адаптером. Необходимо коренное улучшение работы Фонограммархива. Я надеюсь, что найдутся способы всемерно ее улучшить.

Кудышкина А. Г. 12 месяцев 1950 года были неравномерно заполнены работой. Три первые месяца положение было очень неопределенное в связи с неурядицами в руководстве Фонограммархива. Плана на 1950 год не составлялось и не было вообще. Действовали как партизаны. Делали гальванизацию, картотеку. В связи с уходом Рубцова была проведена инвентаризация и глубокая проверка валиков. Правда, был непорядок в неточности записи просмотра валиков. Не ставила отметок, не было птичек. Но характеристика фоноволиков была отмечена детально. Время года проходило следующим образом: три месяца, как я уже сказала, прошло в неопределенности, один месяц ушел на экспедицию, один месяц ушел на отчет об экспедиции. По вине Пелагеи Григорьевны, недостаточно проинструктировавшей участников экспедиции, на меня свалилась переписка и сверка текстов, составление паспортов. Приходилось сидеть над этой работой и дома. Полтора месяца я была в отпуску. Из года ушли 7 месяцев. Собирательская работа: записано 83 песни, 80 копий, 350 карточек с инвентаризацией и 400 из листов. Проводила регистрацию паспортов. Зав<едующий> сектором интересовался моей работой, пытался привлечь к научной работе.

Виноградова. Я делала то, что мне поручалось: повседневная работа в лаборатории и мастерской, впервые занималась гальванизацией. Когда она прекратилась, работала с аппаратурой, составляла карточки, готовила валики к экспедиции.

Вопросы к Клочкову:

Парижская. 1) Считаете ли вы, что сотрудники ваши были полностью загружены? 2) Не было препаратов. Значит, работы в лаборатории не было? 3) Есть ли документы о том, что вы обращались к дирекции и заявляли об отсутствии материалов в категорической форме? 4) Запланировали сделать 250 пластинок, сделали 900, а какая же норма? 5) Надо было так экспериментировать, как это было у вас?

Астахова А. М. Ни в одной области вашей работы не проведен хронометраж?

Шаповалова Г. Г. 1) Почему прекратили гальванизацию и начали переход к пластинкам? 2) Был ли план на 1950 год?

Дмитраков И. П. Как обстоит дело с труддисциплиной в секторе? Как вы оцениваете состояние дисциплины в целом и в частности каждого?

Как оценивается вами работа Комиссии?

Клочков (ответы). Не все время работали напряженно. Были моменты холостого хода. Когда систематически делается одно и то же, работу можно учесть. Но мы часто переходили от одного к другому. Одно есть, другого нет. Как часы – не были обеспечены работой. При переброске и получался холостой ход. Об отсутствии материалов писал в Москву и писал зам<естителю> директора по хоз<яйственной> части. Зав<едующего> сектора не беспокоил, все в хоз<яйственную>часть. Бельчикова тоже не отрывал. Письма директору и завсектором о невозможности работать не писал.

Гальванизацию прекратил ввиду отсутствия материала. Особых нарушений дисциплины не было. Иногда Анна Георгиевна опаздывала, но не систематически. Учет прихода и ухода не велся, т. к. в институте контроль ведется. Двойной контроль не нужен. Виноградова не имела ни одного опоздания. Работу выполняла. Анна Георгиевна имеет в приказе взыскание за опоздания. Работу комиссии расцениваю хорошо. Работа Сектора подымется, будут созданы более ясные, четкие формы учета и контроля.

За последние месяцы я гораздо больше сигнализировал о плохом состоянии работы в Фонограммархиве, чем предыдущие руководители за 3–4 года. О таком же положении и так знают все с 1945 года.

Вопрос В. А. Кравчинской. Прогрессирует ли разложение валиков?

А. Г. Кудышкина. Да, но очень медленно. Чтобы точно определить, нужно несколько валиков сфотографировать, а в конце года сравнить снимки прежние с новыми.

Выступления.

М. Я. Парижская. Комиссия, в составе которой находилась и я, не ставила перед собою задачу проверить выполнение плана, а составить

представление о Фонограммархиве на сегодняшний день. Но безусловно, организация труда была бы лучше, как в Фонограммархиве, так и в лаборатории при планировании. Чтобы работу сделать планомерной, необходимо ее хронометрировать. Фонограммархив не работает на полную мощность. Аналитических данных, основанных на ежедневных записях, нет. Необходимо мобилизовать уборщицу для наведения чистоты. Аппаратура должна быть приведена в образцовый порядок. Эти и другие «мелочи» должны быть ликвидированы.

Необходимо сделать перечень валиков, какой-нибудь каталог. Установить время на расшифровку.

Нужно отметить беспричинное недовольство и несолидные поступки Анны Георгиевны. Стоял шкаф текстов и нот. На рукописях нет даже штампов. Предложили ей сделать. Начались ненужные разговоры. Из шкафа не были даны рукописи аспирантам. Разговор по телефону не привел ни к чему. Потребовалось письменное распоряжение секретаря. Все это были досадные недоразумения, но этого не должно быть. Главное в том, что на базе сегодняшнего положения дел в Фонограммархиве, он не может соотв<етствовать> требованиям научно-исследовательской работы. Задача в том, чтобы немедленно устранить этот пробел.

Л. Х. Израилевич. По гальванопластической мастерской и Фонограммархиву никакого учета не было. Необходимо выработать нормы расхода материалов и выработки соотв<етствующей> продукции. Сегодня там хаос. Деньги уходят колоссальные, материала масса, а продукции не видно. Консультант работал честно и добросовестно. У него надо учиться.

Теперешняя продукция не поддается никакой критике. Из 900 пластинок, что сделано, неизвестно точно, что в архиве и что списано. Акта у меня нет. Списывается все семейственно и кулуарно. Нужно вести учет при участии сектора. За год израсходовано 46 литров спирта. Это ценный дефицитный материал. Когда я сказала об этом профессору, он решил, что я сошла с ума.

Азотное серебро особо дефицитное. На 5–10 гр<аммов> требуется особое разрешение директора. А у нас все по семейственному.

Меня очень удивляет, что Николай Ильич так легкомысленно относится к этому делу. Нужна инвентаризация и особо строгая отчетность.

Г. Г. Шаповалова. При составлении плана на 1951 год необходимо установить круг работы лаборатории и Фонограммархива. Нужно ликвидировать замкнутость, оторванность от жизни сектора...

(Л. Х. Израилевич. Не нужно заниматься опытами, открывать америки, которые давно уже открыты. Отношение к консультанту было нетактичным. Я верю его словам. Вы действительно отстали от жизни. Никто вас, Николай Ильич, не порочит, но вы отстали).

...Делать работу Николаю Ильичу одному не стоит. Нужно связаться с такими организациями, у которых более совершенные лаборатории, у которых есть лучшие результаты. Нужно ли ставить в план исключительно эксперименты? Нужнее было бы направить работу к тому, чтобы обеспечить сохранение звукозаписей.

В Фонограммархиве нужна в первую очередь расшифровка и учет. Удивляет меня то, что считают ниже своего достоинства ставить штампы. У меня сравнительно большой стаж, но я считаю своей обязанностью ставить штампы. Залежи материала – оплошность. Нужен исключительный порядок.

Я не совсем согласна с тем, что т. н. приблудные коллекции нужно сбыть с рук. Если нет документов о сдаче на хранение, если эти коллекции ценные, то незачем отказываться от них и отправлять куда-то. Они должны стать достоянием нашего архива. Из этих коллекций записи Осипова[165] дали аспиранту Микушеву[166] основу для диссертации...

(Л. Х. Израилевич. Для налаживания учета необходимо предусмотреть в смете будущего года рост штата людей, которые помогут навести порядок. Себестоимость выпущенной продукции огромна. Жалкий выпуск: из 900 – 400 годных пластинок).

Расходы на лабораторные работы отражены. Они подтверждаются актами, качество которых я не признаю. Нет норм расхода продукции. Списываются материалы чохом, но нет ничего из продукции. Необходимо точно фиксировать и учитывать нормы на расходование материалов.

На негодные пленки нужно составлять акт с авторитетной комиссией. Николай Ильич грамотный, но относится легкомысленно. Это почин не мой, а дирекции.

---

[165] Фонозаписи И. А. Осипова от коми (1939). 62 записи на 22 цилиндрах: ФА ИРЛИ, к. 215F (ФВ 5441–5462).

[166] *Анатолий Константинович Микушев* (1926–1993) – фольклорист, филолог-финно-угровед, работал в Сыктывкарском университете и Коми филиале Академии наук СССР. В 1950–1953 гг. обучался в аспирантуре Пушкинского Дома, по окончании которой в 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Песенное творчество народа коми в советскую эпоху» (в 1956 г. вышла в виде монографии: *Микушев А. К.* Песенное творчество народа коми. Сыктывкар, 1956. 124 с.).

Вопрос И. П. Дмитракова. Значит ли, что документы, о которых вы так отзываетесь, не оприходованы?

Ответ Л. Х. Израилевича. Оприходованы, но иногда вопрос касался малоценных документов. Теперь дело имеем с дорогостоящими материалами, и я стою настороже.

М. Я. Парижская. Н. И. Клочков не критически воспринимает критику. Мы не понимаем в технике. Пригласили эксперта[167]. И если Н. И. утверждал, что на одну гальвану нужно 50 гр<аммов> спирта, то эксперт, человек опытный и безусловно честный, утверждает, что нужно всего 5 гр<аммов> спирта, но и эти граммы легко заменить дешевыми заменителями.

А. М. Астахова. Результат заседания нашего сектора двоякий: 1) оценка работы лаборатории и Фонограммархива, 2) требования, которые предъявляет сектор и соответственно наметка ряда мероприятий по улучшению работы.

Оценить работу очень трудно, потому что нет плана. Какая-то работа велась, но не вполне достаточно, что неоднократно отмечалось и до комиссии. А в связи с бесплановостью и много безалаберного. Все это нужно ликвидировать в ближайшее время и сделать так, чтобы все было предельно четким и ясным.

Поэтому лица, выделенные сектором, должны точно определить ближайшие мероприятия и в соответствии с ними выработать план на год, круг проблем и т. д. Нормы работы установить не сейчас, а на основании работы выделенных лиц на след<ующем> секторе принять как руководство к действию.

Н. И. Клочков (заключ<ительное> слово). Период освоения во сто раз дороже серийного производства. Это надо понимать. Предлагаю собрать комиссию с участием инженеров и музыковедов, технологов по воску и конкретно, практически вынести определенное решение, что делать. Спасать валики или мелодию.

И. П. Дмитраков. Выступления работников Фонограммархива меня не удовлетворило. Выступали с энтузиазмом, но не о вопросах первой важности. Речь идет о том, что хозяйство Фонограммархива не в должном порядке. Нужно самым решительным образом сделать перелом в работе, самым решительным образом наладить порядок в хозяйстве. Нужно было рассказать о ходе работы, об отчетности, о дисциплине, которая

[167] Вероятно, имеется в виду С. В. Адикаевский – см. Документ № 6.

часто не на высоте. Самокритики у нас не хватало. Даже молчание т<оварища> Виноградовой говорит о многом. Тоже своего рода выступление. Ваши эмоции излишни. Все было вам сказано справедливо. Требуется пересмотр и коренное улучшение работы. Хозяйственная сторона связана с дисциплиной, с трудовым режимом.

Можем учесть и признать результаты работы комиссии хорошими, плодотворными и нужными, за что должны выразить им глубокую признательность.

(В. А. Кравчинская зачитывает текст резолюции-решения.)

Резолюция[168]

1) Заслушав отчет и<сполняющего> об<язанности> зав<едующего> Фонограммархивом Н. И. Клочкова, Сектор считает, что тов<арищ> Клочков не обеспечил достаточность руководства Фонограммархивом, в результате чего оказалось неналаженным систематическое научное наблюдение над фоноваликами, а также не всегда строго соблюдались элементарные требования чистоты в студии звукописи и в лаборатории.

2) Как заведующий Фонограммархивом Н. И. Клочков в недостаточной степени требовал соблюдения производственной дисциплины от сотрудников Фонограммархива, в результате чего были случаи несвоевременного прихода на работу А. Г. Кудышкиной, отмеченные в приказах дирекции.

3) Считать, что наличный состав сотрудников не в силах обеспечить правильной организации научно-исследовательской работы Фонограммархива.

Чтобы добиться коренного перелома в работе Фонограммархива, Сектор считает необходимым провести следующие мероприятия:

1. Провести в течение января – февраля 1951 года сплошную проверку фоноваликов с целью точного их учета и определения их состояния.

2. Считать неотложным немедленное укомплектование штатов Фонограммархива квалифицированными специалистами, о чем неоднократно уже ставился вопрос перед дирекцией Института.

[168] Текст резолюции записан рукой В. А. Кравчинской.

3. В ближайшее время провести совещание с участием специалистов-музыковедов по вопросу о практических мероприятиях для сохранения звукозаписей на фоноваликах.

4. Приступить к планомерной расшифровке имеющихся фонограмм, начав работу с наиболее ценных в научном отношении коллекций <Е. Э.> Линевой[169], <В. М.> Попова[170], <И. Ф.> Калинникова[171] и северных экспедиций Сектора фольклора[172].

5. Обязать сотрудников Фонограммархива предоставить к совещанию Сектора в субботу 30 января к 11 часам утра планы их индивидуальных работ на 1951ый год поквартально и помесячно.

6. Обязать сотрудников Фонограммархива соблюдать строжайшую производственную дисциплину, полностью загружая рабочий день и не допуская впредь нарушений трудовой дисциплины.

7. Считать работу комиссии, проверявшей состояние Фонограммархива, плодотворной и правильно наметившей практические мероприятия по улучшению научно-исследовательской и производственной деятельности Фонограммархива.

Председатель

Секретарь (подпись В. Н. Мерцалова)

Источник: ФА ИРЛИ, РФ, р. I, п. Документы по Фонограммархиву. 9 л. Автографы В. А. Кравчинской и В. Н. Мерцалова.

---

[169] Звуковые коллекции Е. Э. Линевой поступили в Фонограммархив в 1932 г. из расформированного Центрального музея народоведения в Москве. В настоящее время в Фонограммархиве хранятся все дошедшие до нас звукозаписи собирательницы.

[170] Записи В. М. Попова были выполнены в 1912 г. в Смоленской и Тверской губ. В настоящее время составляют коллекцию № 55.

[171] Записи И. Ф. Калинникова 1913 г. в Орловской губернии составляют коллекцию № 54.

[172] Имеются в виду материалы экспедиции Государственного института истории искусств на Русский Север 1926–1930 гг. (Заонежье, Пинега, Мезень, Печора).

9

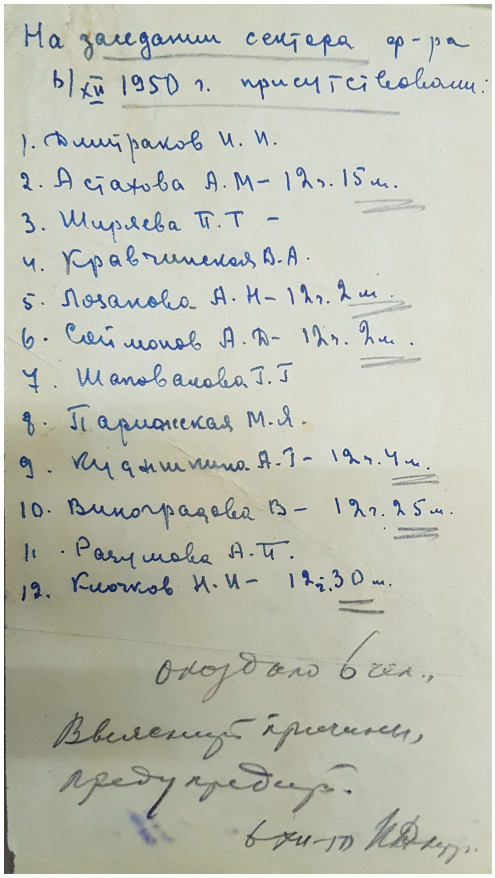

На заседании сектора фольклора
6/XII 1950 г. присутствовали:
1. Дмитраков
2. Астахова А. М – 12 ч. 15 м.
3. Ширяева П. Т –
4. Кравчинская В. А.
5. Лозанова А. Н. – 12 ч. 2 м.
6. Соймонов А. Д. – 12 ч. 2 м.
7. Шаповалова Г. Г.
8. Парижская М. Я.
9. Кудышкина А. Г. – 12 ч. 4 м.
10. Виноградова В. – 12 ч. 25 м.
11. Разумова А. П.
12. Клочков Н. И. – 12 ч. 30 м.
Опоздало 6 чел<овек>,
Выяснить причины,
предупредить.
6/XII-<19>50 (подпись: И. Дмитраков)

Рис. 2. Лист присутствия на заседании сектора фольклора 6 декабря 1950 г. Автограф А. Г. Кудышкиной и И. П. Дмитракова. «Контрольная тетрадь прихода сотрудников сектора народного творчества на заседания. Начата в 1950 г. Продолжена в 1952 г. Возобновлена в 1953 г.» (ФА ИРЛИ, РФ. Ф. Б. М. Добровольского. Кор. 2)

10

ПРОТОКОЛ
производственного совещания Фонограммархива от 22.II.1951 г.

ПРИСУТСТВУЮТ: И. П. Дмитраков, В. А. Кравчинская, П. Г. Ширяева, Н. И. Клочков, А. Г. Кудышкина, В. А. Виноградова, В. Н. Мерцалов и И. Д. Тулупников[173].

И. П. Дмитраков. На повестке дня один вопрос о плане работы и о работе Фонограммархива. План Фонограммархива не подвергался сомнениям в технической части, но должен был быть конкретизирован в отношении расшифровок.

П. Г. Ширяева. В основу плана Фонограммархива мы положили выполнение проблемы № 3. В реализацию пункта о расшифровках произведен подсчет имеющихся расшифровок записей советского времени. Дополнительно необходимо сделать расшифровки дореволюционных записей. Необходимо приглашение расшифровщиков, которых надо обеспечить валиками для копий в количестве до 300.

И. П. Дмитраков. Это еще не план, а материал для плана.

А. Г. Кудышкина. Возможности выполнения плана я не вижу, пока не будут приглашены расшифровщики. Должен быть приглашен редактор расшифровок.

И. П. Дмитраков. Что Вы можете сделать для музыкальных иллюстраций к нашему II тому, в пределах, не превышающих 50–60 нотных примеров?

А. Г. Кудышкина. Необходимы заявки от авторов.

И. П. Дмитраков. Такие заявки будут даны по XIX и по началу XX вв.

---

[173] *Иван Дмитриевич Тулупников* (1883–?) — музыкант-этнограф, преподаватель музыкально-теоретических дисциплин в Саратовской консерватории. Участвовал в фольклорных экспедициях Саратовского университета, в 1927–1928 гг. руководил Музыкально-этнографическим отделом методической выставки Саратовского университета, в 1934 г. в рамках этой выставки организовал Отдел народной песни. Устраивал научно-показательные музыкальные этнографические концерты, к участию в которых привлекал симфонический оркестр, солистов-профессионалов и традиционных исполнителей (*Демченко А. И.* О научном потенциале музыкального вуза. История в лицах. К 100-летию открытия Саратовской консерватории // Проблемы музыкальной науки. 2012. № 2 (11). С. 167).

А. Г. Кудышкина. В зависимости от получения этих заявок будет составлен план расшифровок.

И. Д. Тулупников. Материал, который мне удалось прослушать, представляет чрезвычайную ценность, но в большинстве случаев тексты неразборчивы, напевы же были четки, за исключением некоторых случаев провалов звуков. Заявки авторов статей могут быть выполнены, но не менее 3-х расшифровщиков должны работать, чтобы в течение 4-х месяцев дать 50–60 музыкальных иллюстраций.

И. П. Дмитраков. Дирекция предупреждает, что надо быть очень экономными в расходовании средств и обходиться собственными силами. Приходится констатировать, что уточненного плана работы Фонограммархива в целом, как ячейка, не имеет, и что работа по расшифровке не ведется.

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Составить уточненный план Фонограммархива.

Срок – 1 марта с. г.

Ответственный исполнитель – Н. И. Клочков и музыковед-расшифровщик А. Г. Кудышкина.

2. Обязать авторов II тома дать заявки на музыкальные иллюстрации к авторским главам.

Ответственный исполнитель – В. А. Кравчинская.

3. Обязать А. Г. Кудышкину с 1-го марта приступить к работе расшифровщика и к 30 марта представить отчет об итогах работы по расшифровке.

4. Упорядочить режим и распорядок работы Фонограммархива.

5. Выделить для консультации посетителей определенные дни и часы.

Председатель (подпись) (И. П. Дмитраков)

Секретарь (подпись) (В. А. Кравчинская)

Источник: ФА ИРЛИ, РФ, р. I, п. Документы по Фонограммархиву. 2 л. Авторизованная машинопись.

Документы подготовлены к публикации
С. В. Подрезовой и Е. И. Якубовской

Литература

Алымов С. С. Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940–1950-х годов // Новое литературное обозрение. 2009. № 3 (97). С. 7–36.

Два отзыва о научной деятельности М. К. Азадовского / Публ. Т. Г. Ивановой // Русская литература. 2006. № 2. С. 86–101.

Петрова Л. И. Софья Давыдовна Магид в Пушкинском Доме: (Документы и факты) // Из истории русской фольклористики. СПб., 2013. Вып. 8. С. 147–204.

Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005 / РАН Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Гл. ред. Н. Н. Скатов. СПб., 2005.

Редькова Е. С. Материалы к биографии Ф. А. Рубцова в архиве Санкт-Петербургской консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова // Этномузыкология: история формирования научно-образовательных центров, методы и результаты ареальных исследований. Материалы международных научных конференций 2011–2012 годов. СПб., 2014. С. 50–169.

Светозарова Н. Д. Музыковед и фольклорист С. Д. Магид (1892–1954) // Из истории еврейской музыки в России. Вып. 2 / Сост. и отв. ред. Г. В. Копытова, А. С. Френкель. СПб., 2006. С. 309–334.

Светозарова Н. Д. Иноэтнические коллекции в Институте русской литературы: (Изучение фольклорных собраний Пушкинского Дома в международных проектах) // Из истории русской фольклористики. СПб., 2007. Вып. 7. С. 493–508.

Толстов С. П. Этнография и современность // Советская этнография. 1946. № 1. С. 3–11.

Френкель А. С. Софья Давыдовна Магид: Новые материалы // Из истории еврейской музыки в России. Вып. 3: Общество еврейской народной музыки в Петербурге (1908–1921): столетие спустя / Сост. и отв. ред. Г. В. Копытова, А. С. Френкель. СПб., 2015. С. 173–190.

Якубовская Е. И. Записи Великолукской экспедиции ИРЛИ 1949 г. (по материалам рукописного сборника С. Д. Магид) / Публ. Е. И. Якубовской // Из истории русской фольклористики. Вып. 11: К юбилею Валерии Игоревны Ереминой / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 2018. С. 352–424.

Якубовская Е. И. Страницы биографии Натальи Львовны Котиковой // Из истории русской фольклористики. Вып. 8 / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 2013. С. 544–545.

References

Alymov, S. S. (2009). Kosmopolitizm, marrizmiprochie «grekhi»: otechestvennye etnografy i arkheologi na rubezhe 1940–1950-kh godov, in: *Novoe literaturnoe obozrenie,* 3 (97), 7–36.

Ivanova, T. G., ed. (2006). Dva otzyva o nauchnoy deyatel'nosti M. K. Azadovskogo, in: *Russkaya literatura*. 2, 86–101.

Petrova, L. I. (2013). Sof'ya Davydovna Magid v Pushkinskom Dome: (Dokumenty i fakty), in: Yu. I. Marchenko, ed. *Iz istorii russkoi fol'kloristiki*. Saint-Petersburg, 8, 147–204.

Red'kova, E. S. (2014). Materialy k biografii F. A. Rubtsova v arkhive Sankt-Peterburgskoy konservatorii imeni N. A. Rimskogo-Korsakova, in: *Etnomuzykologiya: istoriya formirovaniya nauchno-obrazovatel'nykh tsentrov, metody i rezul'taty areal'nykh issledovaniy. Materialy mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsiy 2011–2012 godov*. Saint-Petersburg, 150–169.

Skatov, N. N., ed. (2005). *Pushkinskii Dom: Materialy k istorii. 1905–2005*. Saint-Petersburg.

Svetozarova, N. D. (2006). Muzykoved i fol'klorist S. D. Magid (1892–1954), in: G. Kopytova, A. Frenkel', eds. *Iz istorii evreiskoi muzyki v Rossii*. Saint-Petersburg, 2, 309–334.

Svetozarova, N. D. (2007). Inoetnicheskie kollektsii v Institute russkoi literatury: (Izuchenie fol'klornykh sobranii Pushkinskogo Doma v mezhdunarodnykh proektakh), in: A. N. Rozov, ed. *Iz istorii russkoi fol'kloristiki*. Saint-Petersburg, 7, 500–505.

Tolstov, S. P. (1946). Etnografiya i sovremennost. in: *Sovetskaya etnografiya*, 1, 3–11.

Frenkel' A. S. (2015). Sof'ya Davydovna Magid: Novye materialy, in: G. V. Kopytova, A. S. Frenkel', eds. *Iz istorii evreyskoy muzyki v Rossii. Vol. 3: Obshchestvo evreyskoy narodnoy muzyki v Peterburge (1908–1921): stoletie spustya*. Saint-Petersburg, 173–190.

Yakubovskaya, E. I. (2013). Stranitsy biografii Natal'i L'vovny Kotikovoi, in: Yu. I. Marchenko, ed. *Iz istorii russkoi fol'kloristiki*. Saint-Petersburg, 8, 544–545.

Yakubovskaya, E. I., ed. (2018). Zapisi Velikolukskoi ekspeditsii IRLI 1949 g. (po materialam rukopisnogo sbornika S. D. Magid), in: A. F. Nekrylova, ed. *Iz istorii russkoi fol'kloristiki*. Saint-Petersburg, 11, 352–424.